

Д. СТАРЫЙ
В. ГУРОВ

ИМПЕРАТОРСКИЙ
МЕХАНИЧЕСКИЙ
ЗАВОДЪ

ПРОШКА ПАРОВОЗ

Денис Старый

Прошка-Паровоз

«Автор»

2026

Старый Д.

Прошка-Паровоз / Д. Старый — «Автор», 2026

Опытный рабочий, всю жизнь прошедший за станком, приходит в себя в теле худого мальчишки Прошки — бесправного работника паровозного завода. Калуга. 1887 год. Грязный цех, ременные передачи, грубый инструмент и начальство, которое привыкло списывать свой брак на слабых. Для них Прошка — мальчишка для побоев. Но теперь в этом теле — старые руки, рабочий глаз и человек, который видит: каждая ошибка здесь пахнет не только маслом, но и чужой выгодой. Металл можно выправить. Станок можно настроить. А тех, кто делает брак нарочно, придётся разобрать по винтику.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Денис Старый Прошка-Паровоз

Глава 1

Москва, наши дни

Дождь сек лобовое стекло внедорожника, размывая вид на серые, бетонные корпуса оборонного завода «Вектор-Аэро».

Я устроился на заднем сиденье, так удобнее всего было и в пути просматривать сводки рекламаций. Тридцать два процента. Почти треть ударных беспилотников «Стриж-М», отгруженных за последний квартал, не долетели до целей. Нет, это не означало, что они были сбиты ПВО. Они просто падали камнем вниз, теряя связь и управление в момент перехода в пике.

Минобороны рвало и метало. Руководство завода клялось, что проблема в некачественных китайских комплектующих, пришедших по параллельному импорту. Но меня наняли не для того, чтобы верить в сказки. Я — антикризисный эксперт. И моя работа — находить гниль там, где все и на первый, и даже на второй взгляд выглядит стерильно.

Стаж разнообразный, немаленький. И всю жизнь, когда за станком, когда и возле станка, я следил за рабочими. Потом и за бумажками посидел. Корочки о высшем тоже есть. А настоящим образованием своим я занимался всю жизнь, по принципу: век живи, век учись. Но главное — я с истоков прошел все стадии, пока не стал тем, кто инспектирует производство.

И теперь страна не дает уйти на пенсию, а у меня в руках — важное дело. Нелегкие времена настали, кто же сможет спокойно сидеть, понимая, что можешь помочь стране. Может, конечно, кто и сможет. Но не я...

— Непокойный дед, — вот так называет меня внук.

И слава Богу, что еще не покойный. Хотя понятно, что Сашка, четырех неполных лет сорванец, хотел сказать «неспокойный».

— Приехали, Глеб Викторович, — бросил водитель, тормозя у центральной проходной.

Я захлопнул ноутбук, сунул его в кевларовый портфель и вышел под несколько не поредевший ледяной осенний ливень.

Через двадцать минут, миновав три контура охраны и переодевшись в антистатический халат и бахилы, я уже стоял в святой святых завода — цехе поверхностного монтажа печатных плат. Здесь собирали «мозги» беспилотников — полетные контроллеры.

Воздух пах озоном, изопропиловым спиртом и канифолью. Вдоль всего длинного зала раздавался монотонный гул — работали автоматические линии. Роботы-установщики пулеметными очередями вбивали микрочипы в зеленый текстолит.

Мало кто, на самом деле, смог перестроиться от станка к подобным технологиям. Пройдя такой этап, я изучаю теперь и внедрение ИИ. Хотя тоскую даже не по первым станкам с ЧПУ, а по «дедушкам» производства. По тем станкам, на которых страна выиграла когда-то Великую войну, которые еще долго были на производствах. «Спасибо деду за победу» в моем понимании звучит несколько иначе и адресовано еще и станкам, тем пацанам, которые, не став ещё рослыми мужчинами, подставляли ящики, чтобы только иметь возможность работать. Чтобы не встали заводы.

Рядом со мной переминался с ноги на ногу главный инженер завода — тучный, потеющий Савицкий.

— Глеб Викторович, я уверяю вас, входной контроль качества у нас строжайший! — его голос тонул в гуле вентиляции. — Чипы проверяются на стендах. Проблема есть, но она возникает уже там, на фронте. Вибрация, понимаете, перегрузки...

— Платы после сборки проходят рентген-контроль? — сухо перебил я, не глядя на него.

— Конечно. Выборочно. Одна из партии в сто штук. Оборудование импортное, ресурс трубки бережем...

— Блок! — потребовал я.

— Что?

— Микросхемы где? — я начинал злиться.

Если это некомпетентность, то вопиющая. Но так же не может быть, чтобы на продвинутом производстве работали полные бездари?

Может или не может, а я должен проверить. Скоро мне принесли две микросхемы. Посмотрел на одну, потом на другую.

И вот я держу плату двумя пальцами возле самого уха и быстро, как дятел, постукиваю по текстолиту деревянным концом карандаша. Звук был сухим и звонким: тик-тик-тик.

— Что происходит? — спросил неугомонный Савицкий.

— Тишина! — зло прошипел я и продолжил свои манипуляции.

Вдруг на одном из чипов тональность едва уловимо изменилась:

— Тук.

Я удовлетворенно хмыкнул. «Холодная пайка на гироскопе. Прибор этого не видит, контакт-то есть. Но на пятой минуте полета от вибрации винтов пайка рассыплется, и птичка клюнет носом в землю».

Для уверенности я еще и губами приложился к пайке, снова стукнул. Губы — они почти что самые чувствительные. А мои, которые целовали в последние годы микросхемы чаще, чем женщин, так и вовсе, на опыте.

— Всё ясно. А теперь ведите к печи оплавления.

Савицкий нервно сглотнул, но подчинился. Мы подошли к массивному, десятиметровому тоннелю конвекционной печи. Именно здесь платы с установленными компонентами, как принято говорить, запекались, чтобы специальная паста расплавилась и намертво припаяла чипы к дорожкам.

Я достал из кармана флешку, отстранил оператора линии и вставил ее в USB-порт управляющего компьютера печи.

— Что вы делаете? — взвился Савицкий. — Это нарушение регламента!

— У меня полномочия уровня гендиректора, — не оборачиваясь, процедил я, быстро набивая команды на клавиатуре. — Откройте мне инженерное меню. Пароль.

Каждый раз меня, хоть уже и мимолётно, поражало вот это сопротивление. У вас, голубчики, проблема, как же вы хотите её решить, если никто не будет вмешиваться. Вот и теперь пришлось поспорить, а потом подождать, пока все переварят этот простой факт: слушаться надо меня. Главный инженер ещё помялся, но, увидев мой взгляд, ввел цифры.

Я углубился в логи. Десять минут на экране мелькали графики и таблицы. Я искал то, что не мог выявить ни один стандартный тестер. Наконец, я нашел это. Некоторые наши программисты говорили, что родился я на лет тридцать позже, неплохим айтишником стал бы.

А и правда есть у меня такое, к любой технике прикипаю.

— Смотри сюда, — я ткнул пальцем в монитор. — Это термопрофиль пайки би-джи-эй-чипов. Главного процессора. Знаешь, как он должен выглядеть?

— П-подогрев, стабилизация, пиковое оплавление, охлаждение... — заикаясь, ответил он.

— Верно. На этапе оплавления температура должна плавно дойти до 245 градусов, подержаться там сорок секунд и плавно уйти вниз на охлаждение. Так? А теперь смотри на график из логов за последние три месяца.

Я вывел на экран красную кривую.

— Плавно! А тут? Видишь эту ступеньку? На 210 градусах, прямо перед затвердеванием припоя, система включает принудительный обдув холодным воздухом на две десятые доли секунды. Температура резко падает на десять градусов, а потом снова выравнивается.

Савицкий побледнел как мел.

— Это... сбой датчиков?

Я почувствовал злость в его вопросе и разочарование. Уж лучше бы некомпетентность. Но нельзя показать того, что именно я стал подозревать.

— Ты debil? Или прикидываешься? Это — холодная пайка, — жестко отчеканил я. — При таком термоударе шарики припоя под чипом кристаллизуются неравномерно. Образуются микротрещины. На заводском стенде — там, понятно, плата работает идеально, контакт-то есть. Дрон взлетает. Но когда он выходит в пике, от вибрации двигателей и перегрузки эти микротрещины расходятся. Контакт рвется. И что в итоге мы видим «в поле»? Дрон слепнет и падает.

Тот поджал губу и помалкивал. Я тем временем уже выдернул флешку и повернулся к инженеру.

— Хочешь сделаю прямо сейчас, как нужно? Сколько изделий на конвейере? Нет?

Мой сопровождающий не ответил, только сглотнул слюну. В цехе была комфортная температура. И, в отличие от линии и припоя, вентиляция и кондиционеры работали отлично. А с Савицкого тек пот так, словно бы он уже жарился на сковородке, а черти ещё и ещё дрова подбрасывали.

Я увидел, как подошел представитель министерства обороны. Что ж... можно и свои подозрения высказать.

— Это не сбой, Савицкий. В логах всё видно: параметры профиля были изменены вручную три месяца назад. С консоли начальника смены. Пароль был введен верно. Вы... гоните заведомый брак, маскируя его под воздействие среды.

— Я не знал... Клянусь, Глеб Викторович! — Савицкий попятился, покрываясь липким потом. — Это диверсия!

Понятное дело, что весь его шок и пыл для меня сейчас ничего не менял.

— Идеальная диверсия, — кивнул я. — Тихо, без взрывчатки и шума. Просто два градуса и доля секунды. И в итоге миллиарды рублей вместе с боевыми задачами улетают в грязь. Я еду в управление ФСБ. А вы, Савицкий, молитесь, чтобы вашей подписи не оказалось в журналах доступа. Впрочем, это уже на усмотрение более компетентных органов.

Было видно, как побледнел инженер. Я даже потянулся к своему пистолету. Имел право на ношение. Но... оставил же в машине. Не хотел пугать рабочих.

— Где тут туалет? — спросил я. — А то от вашей истории... И останавливайте моим приказом производства. Немедленно. Где чертов сортир?

Впрочем, дверца с нужным названием оказалась рядом.

И нет, организм не требовал уединения с фаянсовым другом. Требовал долг.

— Петрович? Алло. Слышишь хорошо? — говорил я, набрав куратора от ФСБ по видеосвязи.

— Ты где? — спросил мой старый товарищ, почти что и боевой.

Если бы он не привел нужные слова когда-то, то вряд ли бы я решился на такую должность и сферу деятельности, как сейчас.

— Я там, куда и собирался ехать.

— Не порядок, почему интернет работает? И ты внутри и снимаешь...

— Петрович... товарищ генерал-майор, не о том речь... Диверсия, измена, или что-то еще, но дроны не сами по себе падают и не халатность это, не технология, а злонамеренный план. Секунду... высылаю по мессенджеру данные...

— Ты охренел?

— Так по отечественному, или вы не уверены в нем? Тогда зачем... Хорошо... на почту. Примешь и сразу стирай, я под шифром скину, — сказал я.

Сказал и не сразу, но сделал. Вот так... спокойнее. И нужные люди начнут быстрее работать. Сейчас закроют режимный объект, приедут «маски-шоу». Пусть разбираются. Я свою работу выполнил. И даже перевыполнил.

— Выезжаю к тебе. Пока ты найдешь, кто пояснит, что за цифры я выслал. Расскажу. Жди.

— Помощь? Сопровождение? — спохватился Константин Петрович Смолян, генерал-майор ФСБ.

— А, давай. Возьмите мою машину и ведите, пусть ребята по дороге присоединятся.

Потом вышел из туалета, улыбнулся виновато.

— Желудок ни к черту, — прокомментировал я свое отсутствие.

Выглядел благожелательным, даже веселым.

— Да не беспокойтесь вы. Это небольшой сбой в программе. Я тут подумал... все обойдется, — сказал я.

— Уже нет, — прошептал мне в след инженер.

Я развернулся и быстрым шагом покинул цех. Адреналин пульсировал в висках. Я сделал своё дело, вскрыл гнойник. Огромный, системный гнойник, за которым стояли серьезные люди и огромные деньги — наверняка вражеской разведки. Кто-то на этом заводе очень хорошо получил на лапу за эти две десятые секунды.

Выйдя из проходной, я вдохнул холодный, влажный воздух полной грудью. Дождь почти прекратился. На стоянке, блестя черным лаком под светом ртутных фонарей, ждал мой бронированный «Крузер». Водителя внутри не было — видимо, отошел покурить.

Дожил и я до такой машины. А была бы еще дороже, если бы не согласился оставаться тем, кто есть, а пошел директором на один из заводов. Но моя работа куда важнее — так я могу влиять на многие заводы. Потому что, к сожалению, «Вектор-Аэро» не единственный, где есть проблемы.

Я достал из кармана брелок. Щелк. Пискнула сигнализация, моргнули поворотники.

Мой мозг, всё еще работающий на предельных оборотах после анализа логов печи, вдруг уловил диссонанс. Маленькую, почти незаметную деталь.

Когда я нажал кнопку, поворотники моргнули. Но звук... Звук щелчка центрального замка прозвучал не из двери. Он прозвучал из-под днища.

Очень характерный звук. Щелчок детонатора... Когда только успели подложить?

Я ещё не верил разумом, но тело всё знало. Рефлексы заставили дернуться назад, мозг дал команду броситься на мокрый асфальт, но законы физики были приведены этим щелчком в действие быстрее человеческой реакции.

Вспышка была ослепительно белой.

Она бесшумно сожрала пространство, превратив двухтонный внедорожник в разлетающийся во все стороны огненный шар шрапнели и искореженного металла. Звук пришел лишь мгновение спустя — чудовищный, дробящий кости удар взрывной волны, выбивший стекла в проходной завода.

Поздно, господа. Логи уже ушли. Меня вы достали, а дело — нет

Меня оторвало от земли, швырнув в небытие еще до того, как я успел почувствовать боль.

Тьма сомкнулась мгновенно, оборвав мысли о термопрофилях, диверсантах и неоконченной работе.

Калуга

6 мая 1887 года

Густой, почти осязаемый смрад ударил в ноздри, мгновенно вызвав тошноту. Запах был резким, давно забытым, из какой-то прошлой, чужой жизни. Я знал его... это было в эпоху до станков с ЧПУ, до нормального соблюдения правил техники безопасности и охраны труда.

Спертый, тяжелый воздух казался пропитанным, буквально сочащимся едким машинным маслом, угольной гарью, застарелым потом и еще бог весть чем — словно я дышал ржавчиной. На долю секунды перед глазами вспыхнул образ: старый советский завод, грохот цехов, где я, еще совсем зеленый пацан, начинал свою трудовую жизнь учеником слесаря.

Но даже там так не воняло. А современные оборонные предприятия, по которым я и езжу, пахнут озоном, чистым пластиком и стерильностью. Если на моем объекте обнаруживался хоть тонкой струйкой подобный запах — начальник цеха в тот же день вылетал на улицу с волчьим билетом.

— Сучёныш! Стервец!

Крик разорвал гул в ушах. Я даже не успел открыть глаза, как тяжелый кованый сапог с хрустом впечатался мне прямо в лицо.

Удар был такой чудовищной силы, что меня буквально оторвало от земли. Воздух со свистом выбило из легких, мир крутанулся, и я спиной, с глухим, болезненным лязгом, врезался в ледяную чугунную станину какого-то механизма. В глазах потемнело, во рту мгновенно разлился горячий солоноватый вкус крови.

— Это он, господин Циммерманн! Он виноват в том браке! — раздался над головой тот же визгливый, полный злобного подбострастия голос. — Крутился у станков целый день, все кулисы подпортил.

На верстаке рядом лежала тяжелая изогнутая деталь, похожая на серп из тёмной стали. Рядом — отполированный прямоугольный сухарь. Один из мастеровых, видимо, только что пытался провести его по дуговому пазу, но сухарь вставал колом примерно на последней трети хода. По свежим замятинам на кромке было видно: его уже били киянкой. Дураки. Так можно не исправить посадку, а окончательно добить деталь.

Вот он, значит, «брак». Не загадочная поломка, не испорченная партия вообще, а конкретный узел кулисного механизма. И главное — фабричный мальчишка вроде меня физически не мог такого наделать, просто «покрутившись у станков».

Тело рефлекторно выгнулось от пронзительной боли в позвоночнике, но разум, натренированный десятилетиями жизни без всяких скидок и уступок, мгновенно взял управление на себя. Я распахнул глаза.

Больше ни один ублюдок не посмеет меня ударить. Я усвоил это еще в детдоме, куда попал после того, как мать умерла от голода — в блокадном Ленинграде она, мне, малому, отдавала свой хлеб. На отца, главного механика авиаполка, мы ещё раньше получили похоронку — сгорел под немецкими бомбами. И вот в том далёком детстве я усвоил на всю жизнь: если ты не можешь ответить на удар, ты не мужчина. Ты вообще не человек. Ты — мясо. Таковы суровые законы выживания.

Превозмогая пульсирующую боль, не обращая внимания на голоса двух мужчин, нависающих надо мной, я начал медленно подниматься, опираясь руками о маслянистый чугун станка. Хотелось рывкнуть отборным, многоэтажным матом, а еще лучше — пружиной броситься вперед, выбивая кадык тому, кто ударил.

Но, подняв взгляд, я замер. Система дала сбой.

Я начал затравленно крутить головой, пытаюсь сфокусироваться. Мозг, будто заражённый компьютер, отказывался обрабатывать картинку. Это не был завод по производству дронов. Это вообще не было похоже ни на одно производство, которое я инспектировал или видел за последние лет пятьдесят. Под высокими, закопченными сводами мерцал до странности тусклый свет — не светодиоды, не люминесцентные лампы, а чадающие газовые рожки! Вдоль цеха

тянулись бесконечные, крутящиеся под потолком ременные передачи, приводящие в движение громоздкие, доисторические токарные махины.

Мой мозг отказывался принимать реальность. Какая-то дикая, бредовая галлюцинация предсмертной агонии? Взрыв у завода. Огонь. А теперь... Я скосил глаза. Газовые рожки на кирпичных стенах. Трансмиссионные валы под потолком, от которых тянутся ремни к станкам. Ни одного электродвигателя. Запах паровых котлов, угля и дешевого табака.

Что за нелепая реконструкция? Где я? В подпольном цеху сектантов? На съемках исторического фильма?

Но ужас был не в этом. Опустив взгляд, я и вовсе едва не задохнулся от паники. И паника... она не моя. Так я никогда не вел себя, не чувствовал подобного. Это были чужие эмоции, слабого человека, затравленного, испуганного. Я стал бороться с чужеродными эманациями сознания.

Но... это были не мои руки. Вместо привычных, покрытых пигментными пятнами и шрамами узловатых пальцев пожилого эксперта я видел тонкие, перепачканные въевшейся сажей и маслом дрожащие ручонки подростка. Бить в ответ? Да чем? Кожа да кости.

Мальчишка внутри меня весь скукожился. В горло вцепились липкие пальцы паники, тело захотело согнуться, закрыться, исчезнуть, переждать, пока взрослые решат его судьбу. Я задавил это чувство сразу, как давят искру на промасленной ветоши. Паниковать будет потом кто-нибудь другой. Сейчас надо было понять, куда меня занесло и кто собирается ударить следующим.

Глава 2

Калуга. Главная паровозная мастерская.

6 мая 1887 год

Я перевел неверящий взгляд ниже: худые ноги обтягивали чудовищно грязные, рваные порты. На ступнях — не ботинки даже, а куски задубевшей свиной кожи, приколотенные к деревянным колодкам и небрежно примотанные к щиколоткам грязными веревками.

— Что, мля, тут происходит? — с угрозой спросил я, готовясь к прыжку.

Ответа я, конечно, не ждал. В такой ситуации никто не объясняет честно, где ты, кто ты и почему только что получил сапогом в лицо. Вопрос был нужен для другого: сбить их с привычного хода. Они ждали визга, мольбы, покорности. Получили прямой взгляд и требование объясниться. А еще я выгадывал драгоценные секунды, чтобы понять, что, мля, действительно, происходит. Хотя объяснения были, столь невероятные, что вопрос не перестал быть актуальным.

Вот только из пересохшего горла вырвался жалкий, петушиный фальцет надломленного мальчишеского голоса. Никакой начальственной стали. Смешной, писклявый звук. Обидно было до дрожи. Внутри же я был иной, решительный, привыкший к голосу, который требовал, а не умолял.

Двое мужчин синхронно обернулись ко мне, на их лицах читалось искреннее изумление, быстро сменяющееся гневом.

— Ты что, скотина безродная, ещё и пасть открываешь?! — окрылся тот, что стоял ближе.

Толстый, потный ублюдок с красным, обрюзгшим лицом и садистским блеском в порослячьих глазках. Есть такие люди, что сразу, при первом взгляде вызывают брезгливость.

Он дернулся в мою сторону, занося тяжелый кулак для нового удара. И тут мое новое, слабое тело сработало на старых, вбитых намертво в мозг инстинктах. Я скользнул в сторону, уходя с линии атаки, и мягко перетек в глухую боксерскую стойку — чуть сгорбившись, прикрыв подбородок плечом, пусть и таким вот худым, цыплячьим, готовый встречать удары и рвать дистанцию. Кто бы ни был этот жирный боров, он только что чуть было не выбил мне зуб. Языком я нащупал болезненное место в десне. Половина лица горела огнем, глаз заплывал.

— Вы посмотрите, Эраст Никитич! Как вас тут не уважают. Щенок свои битки выставляет! — усмехнулся второй мужчина. — Может, и поделом. Брак гоните такой, что скоро убытками и начальствующие заинтересуются. А еще что поговаривают: словно бы вас конкурент наш, Сергей Иванович Мальцов, купил.

— Да что вы... Как я могу, — словно бы забыв обо мне и сменив оскал на свиной роже на улыбку, сказал Эраст.

— Смотри мне, — погрозил пальцем второй мужик.

Этот контрастировал с окружающим индустриальным адом так же сильно, как и мой разум с этим детским телом. Холеный. В строгом, идеально скроенном сюртуке из дорогого сукна. Белоснежный воротничок подпирал гладко выбритое надменное лицо.

На жилете тускло поблескивала массивная серебряная цепочка, уходящая в карман — явно в этом кармашке лежали дорогие карманные часы. У меня тоже были такие... золотые, подаренные бывшим министром обороны, которого потом с треском сняли с должности за то, что у него, кажется, вообще всё вокруг было из золота.

Здесь, в этом гнилом полумраке, пол был покрыт толстым слоем черной земляной жижи вперемешку с металлической стружкой, а этот хлыщ стоял в до блеска начищенных штиблетах так, что даже не запачкал рантов.

Франт посмотрел на Эраста, скривил недовольно губы, покачал головой, явно осуждающе, но тут же бросил на меня уничижительный взгляд.

— Так это ты партию деталей испоганил, тварь? — брезгливо кривя губы, спросил мужчина в костюме.

Голос у него был тихий, но веяло от него таким холодом, что толстяк Эраст испуганно вжал голову в плечи.

— Он, он! Как есть он, Рудольф Карлович! — торопливо, брызгая слюной, подтвердил толстый надсмотрщик, радостно сбрасывая всё на меня.

Я уже видел главное: этот брак был не мальчишеской шалостью. Такую кулису нельзя испортить тем, что рядом крутился оборванец на побегушках. Здесь либо неверно выбран инструмент, либо операцию гнали вслепую, не проверяя сопряжение сухаря с пазом. Чтобы повесить это на меня, надо было ничего не понимать в металле. Или очень хотеть найти крайнего.

— Эраст, побойся бога! На безродного скидываешь все огрехи. Противно... Но раз так и не на кого боле... то молчи! — сказал франт, выдавая всю несправедливость ситуации.

Они оба понимали, что я, шуплый пацан, не могу быть тут виновником того, что пошёл брак, но обвиняли в один голос. Зачем тогда было разыгрывать весь этот спектакль?

— Матвей! — завизжал Эраст.

Было дело, бывал я на свежине, так вот свиньи так же, не отличишь, визжат.

В этот момент к нам подошёл ещё один персонаж. Седой, бородатый дед, такой эталонный, прямо-таки из учебника по истории пролетариата.

Он, уже через полминуты стоял, переминаясь с ноги на ногу, жамкая шапку, словно бы перепутал ее с куской какой-нибудь глины на горшки, появился мужик. Как есть старик, с колтунами на седой бороде, с хитрыми глазами. Или это он шурится, потому как плохо видит?

В эти глаза я бы ещё долго смотрел, такая в них светилась мудрость в равных долях с усталостью, но по-настоящему поразили меня его руки. Эти руки, крупные, узловатые, затвердевшие от десятилетий труда, были покрыты сетью морщин, шрамов и набитых мозолей.

Это были не просто руки; они были живой летописью тяжелой работы, соприкосновения с огнем и металлом, тысячами тонн поднятых и обработанных материалов. Если бы я посмотрел только в его глаза, то, возможно, и не понял бы, кто таков этот Матвей. А он и был — само дело, само производство.

Заводчан я уважал ещё с самого детства, с рассказов деда. Я войны не застал, но ее последствия запомнил, они еще долго эхом отдавались от заводских стен советских предприятий и фронтовиков, которые не любили вспоминать, но все равно разговоров про войну было много.

И потом, с лихими девяностыми, когда пролетарии уже не «соединялись», а наоборот, противно разъединялись, грызась за каждую копейку, этот глубокий, почти мистический пietet к трудящемуся человеку никуда не делся. Но и люди бывают же разные.

— Так что, Матвей, малец споганил-то кулисы? — спросил Карлович.

Дед посмотрел на Эраста. Потом на меня. Не спешил соглашаться. А Эраст, поросенок, в это время словно бы нервный тик получил. Он и подмигивал, и глаза косил, и лоб вздыбивал. Да будто бы и ушами шевелил, силясь просигналить старому.

— Матвей! — настаивал Рудольф Карлович.

В воздухе витало: мол, говори уже что-то.

— Так оно и есть, — сказал дед, в миг просадив свой кредит доверия с моей стороны.

Я чуть не сплюнул в ту грязь, что сейчас месил ногами.

А еще... В моей голове наступила пугающая, кристальная ясность. Мозг, наконец-то, пробил стену отрицания. Паника отступила, оставив место холодному, да нет, даже злому расчету.

Где-то там, на задворках сознания, в темном углу моей новой черепной коробки скулил, метался и плакал от ужаса настоящий владелец этого тела — забитый насмерть мальчишка. Но я не пушу его сюда.

Он не будет решать.

Словно железной дверью, я наглухо закрыл его сознание, полностью, безраздельно завладев и этим тщедушным телом, и, возможно, самой душой. Если, конечно, она существует. Я слишком многое прошел в своей прошлой жизни, чтобы сейчас сойти с ума или раскиснуть.

Картина складывалась. Устаревшие лет на сто пятьдесят токарные станки. Освещение светильниками, похожими на знакомый мне еще со времен начала трудовой деятельности, «летучую мышь», на керосине или даже на масле. Непривычные, давно вымершие в России имена и отчества: Эраст Никитич, Рудольф Карлович. Зализанный пробор холеного управляющего. Еще от него воняло гусиным жиром, который перебивал аромат неприятного парфюма.

И я — бесправный малолетний рабочий в лохмотьях, обутий в то, что лет так пятьдесят назад могло называться сапогами, а сейчас было лишь протертым до дыр куском кожи, перетянутым веревкой, чтобы окончательно не развалиться.

И это не сон. Не реконструкция. Меня каким-то дьявольским образом зашвырнуло в прошлое. Глубокое, мать его, прошлое. Конец девятнадцатого века, не иначе. Дикий капитализм во всей его красе, на крови и на костях. И что делать?

Отечество спасти? Ну, если явится такая оказия, то непременно. Создавать нечто прогрессивное? Почему бы и нет. Но сперва определиться б со своим положением. Выжить, в конце концов. Думаю о помощи стране, а сам по колено стою в... грязи.

И все же... Всегда проще незамысловато спросить, чем терзаться в догадках. Хотя мне больше хотелось ударить этих людей, а свиноподобного так и вовсе в грязи вывалить по самые уши. Я глубоко вдохнул зловонный воздух цеха, собрал в кулак всю свою волю, заставляя порванные голосовые связки выдать взрослый, твердый, самый низкий тон. И, глядя прямо в глаза господину в дорогом сюртуке, произнес:

— Я еще раз спрашиваю. Что. Здесь. Происходит? И кто вы такие?

Повисла гробовая тишина. Слышно было лишь шипение газовых рожков и мерный стук ременных приводов под потолком. И Эраст, и Рудольф буквально лишились на эту минуту дара речи. Для них было просто невыносимо, невозможно, чтобы кусок забитого в кровь фабричного мяса смотрел на них взглядом седого, прошедшего огонь и воду генерального инспектора обороны.

Игра началась. И я не собирался в ней проигрывать. Я вам не мясо!

Эраст чуть отмер — и покраснел так, что, казалось, прямо из его напояженного пробора сейчас пойдет пар. Взрослый, раскормленный мужик, наделенный здесь абсолютной властью, просто не мог поверить, что забитая заводская моль смеет скалить зубы.

— Ах ты гнида подзаборная... — прошипел он и шагнул ко мне, заноса тяжелый кулак. — Еще и спрашиваешь...

Мозг привычно скомандовал телу «уклон с подшагом», но тщедушное тело сработало с чудовищным запозданием. Ноги в дурацких опорах, веревками же прикрепленных к куску кожи, проскользили по промасленной стружке. Я едва успел дернуть хотя бы головой, и кулак Эраста вскользь чиркнул меня по скуле, отбросив на верстак.

Спина впечаталась в угол стола. Искры из глаз. Рука сама нашла на верстаке тяжелый стальной шабер. Я не стал размахивать им и скалиться, как испуганный щенок. Просто перехватил рукоять так, чтобы при первом же рывке Эраста встретить его сразу и жестко. В живот, под ребро, в горло — куда достану. Это тело было слабым, но слабое тело тоже может убить, если не оставлять себе красивых вариантов.

Схватил, но не стал подымать, направлять. Достал оружие? Используй его! Это правило. Готов ли убивать? Вопрос целесообразности поступков.

Но кто зрячий, да увидит, на чем лежит моя ладонь и что я могу пустить в ход для своей защиты.

— Шаг назад, господа... Шаг назад! — хрипнул я.

Голос предательски дрогнул, сорвавшись в юношеский фальцет. Я попытался придать лицу жесткость, но понимал: со стороны я всё равно выгляжу как загнанный в угол, перепуганный щенок.

Вот она, реальность. У меня во рту отчетливый вкус собственной крови, а зуб шатается так, что его можно выплюнуть, всё равно толку нет. Ещё минута — и меня просто-напросто забьют насмерть из-за производственного брака.

— Эраст Никитич, прекратите этот балаган! — брезгливо поморщился второй, тот самый, в дорогом костюме. — Вы бы еще с цепной собакой в грязи повалялись. Нам нужно составить акт на списание партии. А вы...

Проверяющий брезгливо промокнул нос батистовым платком, даже не глядя на меня. И только эта позиция лощенного франта позволила мне расцепить шабер и отвести руку от такого оружия.

— Рудольф Карлович... господин главный инспектор! — мгновенно подобострастно согнулся Эраст, опуская кулак. — Так я ж для остратки! Этот паршивец недоделанный, всю установочную партию испоганил! Ошивается тут... Кабы не его покойный отец, так и погнал уже метлой.

— Это я уже понял. И что мне с того, что он испоганил? Сказано, что не утруждайтесь... пусть бы и он сорвал заказ, — процедил Рудольф Карлович, надменно вздернув подбородок. — Суть неизменна. Казна терпит убыток!

Он так и смотрел на Эраста сверху вниз. А я всматривался не в этого свина, над всеми здесь начальника, а как раз во франта. В его внимательные, сверкнувшие теперь не только пренебрежением, но и волей глаза.

Пожалуй, что и услышит.

— Покажите мне фрезерный станок, на котором резали этот дуговой паз. Докажу вам, что не лыком шит. И не я это...

Те двое переглянулись. Старик хмыкнул. Чуть поодаль кто-то улыбнулся, но это так, злорадствуя. И отнюдь не белоснежной улыбкой. Ржавой, что старый котёл.

Да и пусть смеются. А я должен теперь же показать профпригодность. Доказать, чтобы не пинали, пересчитывая ребра сапогом.

Заводской шум — грохот паровых молотов в соседнем пролете и шелест ременных передач под потолком — казалось, на секунду стих.

— Что? Ты такие слова знаешь? Дуговой паз... — франт быстренько перевел взгляд с меня на Эраста. — Забавно... для безродного и неумехи.

А в глазах читалось недоумение, мол, что это за зверь такой — дуговой паз.

И франт, этот, как его, Карлович, заржал, как конь немецкой голштинской породы. Ну ничего... Посмеемся еще, когда я покажу, что не только в костюмчике с галстуком ходил, но и промасленную робу нашивал.

— Да что там показывать собрался? Ты что возомнил? — тут же вскинулся Эраст, брезгливо поправляя свой пиджак, на рукав которого уселись сразу две мухи.

Этих насекомых не обманешь, они чувствуют, где их любимая субстанция, туда и слетаются. А Эраст не успокаивался.

— Матвей, — обратился он к деду, который всеми силами старался не привлекать их взглядов. — По делу ли говорит?

— Ну так не понятно... слов мог же нахватать. А как оно по делу, тут уж... — неуверенно отвечал старик.

И он не понял? Нет, нужно показать всем им. Что за некомпетентность? Или лучше не показывать? Сделать так, чтобы мало были заметным действия. Так же ценнее буду. И Матвей этот... Пусть сам догадается, как сработать.

Небось по уже протоптанной технологической дорожке ходить умеет, а инициативу проявить, да мозгами пораскинуть... Впрочем, в его случае «пораскинуть мозгами» звучит несколько пугающе, старик-то съезжился под напором начальства, вовсе кажется дремучим. Того и гляди развалится.

Хотя я был уверен, что старик все понимал, уж по крайней мере больше, чем хотел показать присутствующим.

— А что? Это весело... — закончив свое конское ржание, сказал Карлович. — Эраст, что за станок?

Отличный инспектор, даже не знает матчасть...

— Станок как станок, выписан из Хемница, — пожал плечами Эраст, сам видимо, больше специализируясь по тазикам со свинячьим кормом, чем по механизмам.

— Знаком ли со станком? — последовал вопрос от франта. — Не разломаешь? А то и так брака больше, чем твоя душонка стоять может.

Это было адресовано мне. И я не стал быстро отвечать. Осмотрел агрегат. Древность-то какая, и в музее не сыщешь... Знаком ли? Мне все было понятно, пусть и примитивно донельзя.

— Работу знаю, — ответил я, дабы не солгать.

— Больше уважения, стервь! — взревел Эраст.

— Истинно так, сударь... больше уважения, — сказал зло я, адресуя свои претензии к свиноподобному, пусть и намеком.

Рудольф Карлович вновь заржал, похлопывая по плечу Эраста. Я бы к нему и вовсе не прикасался, Эраст все же, да и мухи роятся вокруг него больше всего.

Я не стал слушать дальше. Оглядел тускло освещенную мастерскую, нашел нужный фрезер, подошел к нему и скрутил торцевую фрезу со шпинделя. За спиной сразу началось недовольное шевеление — куда, мол, лезешь без всякого спросу, мелочь, но я уже вернулся к верстаку.

На соседнем столе, среди промасленной ветоши, лежал мощный ручной вороток, вроде тех, какими рыбаки проделывают себе полыньи, только с деревянной ручкой. Я взял его, затем... Напрягаясь, кряхтя и мысленно костеря нынешнее мое хилое тело, приподнял и намертво зажал пудовую стальную кулису паровоза в тиски так, чтобы глубокий серповидный паз смотрел к свету.

Это потом отсюда будет идти горячий пар, особенно если брак устранить. А сейчас нужно всё довернуть по уму...

— Да что этот щенок из себя?... — не выдержал Эрнст, обращаясь к инспектору. — Он нам сейчас инструмент испоганит!

— Да не суетись ты... гляди, позабавимся, — отозвался Рудольф. — Как он пыжится-то, силенки соскребают...

Так он, значит, готов на меня смотреть, как в зоопарке на обезьяну, палкой отмахивающуюся от комаров?

Вместе с тем, я стал так, чтобы хоть что-то собой, своим тщедушным тельцем, заслонить. Если все могут так, то мой подход обесцениться. А, судя по всему, меня выкинуть с завода хотят. Может я бы и сам отсюда ушел, но сам... Хотя, а куда идти? И пришло понимание, не мое, что остаться на заводе — это шанс, цена не использования которого... смерть.

— Дайте вороток Г-образный, — сказал я, словно хирург во время операции скальпель спрашивал.

— Чегось? — спросил Матвей, а потом его будто бы осенило. — Эвон чо! Толковый, как погляжу. Не то, что ентог...

Дед махнул головой в сторону, а с лица стоявшего там ротозея вдруг исчезла ржавая улыбка. Расстроился наверное, шпион. И ведь не бог весть кто — такой же пацан, каким должен выглядеть и я.

Не обращая внимание на визг всяких там эрастов, прости Господи, я молча вставил фрезу в вороток, подвел к пазу кулисы и осторожно попробовал ее на месте, наблюдая, где именно она упрется. Чуть нажал, провернул — и сразу остановился.

Так и есть. Ошибка проектирования технологии.

Режущий зуб еще не дошел до внутреннего радиуса, а толстая шейка фрезы уже уперлась в криволинейную стенку паза. Из-за этого в самом конце хода оставался микроскопический, почти невидимый глазу уступ. Именно на нем и клинило сухарь механизма.

Я выпрямился и посмотрел сначала на инструмент, потом на кулису. Затем молча подошел к точильному станку, но не торопился, сначала осмотрел. Все понятно. Примитивно и ясно. Думаю, что и усовершенствовать можно. Но это точно потом.

Я нажал ногою на педаль, подтянул шпиндель, закинул ремень привода, который соединялся с потолочной крючащейся трубой единого заводского привода. Круглый и шершавый абразивный камень начал вращения. Поднес к нему фрезу.

Искры брызнули — коротко, зло, осветив полумрак цеха. Ещё немного... так. При каждом осторожном соприкосновении фрезы с послушно вращающимся камнем я прикидывал в уме эпюру напряжений — сколько можно убрать с шейки, чтобы освободить проход и при этом не ослабить сам инструмент.

Уберешь много металла — и фреза станет ломаться.

— А вот и глядите, как он ее сломает к чертям, — с удовольствием констатировал Эраст за моей спиной.

И не видит же, что я делаю, но абы хрюкать и визжать.

— Я его сам сломаю тогда, — пригрозил второй мужик.

«Сломалку обломаешь!» — подумал я, не слишком-то при этом отвлекаясь.

Задача была и сложна, и легка одновременно. Здесь нет электроники, которой можно задать величину вплоть до нанометра. Но зато всё послушно рукам и ногам рабочего. Высокая концентрация и холодный рассудок — и брак можно исправить.

Я еще раз поднес фрезу к камню, снова снял долю миллиметра фаски, потом вернулся к тискам и опять примерил. Теперь зауженная шейка проходила глубже по дуге, но всё еще чуть цепляла металл. Я молча вернулся к точилу.

Когда я в третий раз подвел доработанную фрезу к пазу, она вошла именно так, как мне было нужно — теперь режущая кромка доставала до самого дна радиуса.

Я взялся за рукояти воротка обеими руками и навалился всем весом, медленно проворачивая его. Сталь не поддавалась — во всяком случае, неохотно. Модифицированная фреза выгрызала проклятый уступ по волосу, с сухим, визгливым скрипом. Я работал медленно, считая стрижку, а закончив, открутил тиски и протер паз ветошью.

— Подайте сухарь, — тяжело дыша, сказал я.

Никто не шевельнулся.

На столе рядом лежал отполированный стальной сухарь — та самая деталь, что передает движение от золотниковой тяги паровоза. Я взял его сам. Руки всё еще дрожали от непривычной мышечной усталости этого тела.

Вставил сухарь в направляющий паз кулисы. И толкнул вперед.

Механизм не лязгнул и не застрял на половине дуги, как было до этого. Тяжелый стальной брусок с тихим маслянистым шелестом проскользнул по всей длине криволинейного паза,

мягко дошел до самого упора и остановился. Идеальная, скользящая посадка без единого задира.

Я поднял глаза на обмякшего мастера. На лице у него крупным шрифтом шачертано было искреннее недоумение.

— Не проводите цементацию сухаря до притирки к кулисе. И делайте их номерным комплектом — «папа-мама», тогда большая часть проблем на сборке локомотива исчезнет сама по себе. И не будет такой кучи бракованных кулис.

Лица у обоих были такие, будто я только что заговорил с ними на древнеарамейском.

Я вздохнул, вытер испачканные маслом руки о ветошь и перевел уже на понятный им язык, как мог, одновременно вспоминая историю промышленности и первые термины:

— Не стоило бы калить сухарь в печи, пока не пригнали его по месту к кулисе в сыром виде. Сперва необходимо подогнать одно к другому шабером, чтобы ходило от края до края без закуса. Только потом — в термичку, то бишь в печь, закаливать. И вот что важно, не валите все детали после печи в общий деревянный ящик на складе. Кулиса и сухарь — это пара. Держите их связанными вместе, вплоть до самой установки на паровоз.

Говорил так, как детям бы объяснял, что козявки есть нельзя, и вообще ковыряться в носу — неприлично.

Эраст стоял с открытым ртом, как выброшенная на берег Балтики селедка. Второй, тот, конь ржущий, уже не зубоскалил. Его прусская спесь испарилась вместе с той металлической стружкой, что я теперь смахнул прямо под ноги.

Рудольф Карлович не мигая смотрел на идеально работающий кулисный узел. В его глазах больше не было снисхождения к сопляку. Там светилась мрачная подозрительность. И лихорадочный расчет ярого капиталиста — он уже прикидывал, на сколько тысяч рублей этот фокус сократит процент заводского брака.

А ручки-то помнят... Вернее, голова, рукам этим худосочным бы все же моторику развить получше. И, судя по всему, мне нужно будет этим заняться буквально в ближайшее время.

— М-да... — многозначительно произнес инспектор. — Как добрый мастеровой справился. Ты, Матвей, выучил?

— Вместе и учим, Рудольф Карлович, — вдруг спохватился Эраст. — Давеча спрашивали вы, чем занимаюсь я на службе... вот... мастеровых растим.

— Ну да, — усмехнулся инспектор и замолчал, рассматривая кулису и сухарь, словно бы в музее экспонат.

Ликовал и я. Ну что? Теперь меня в мастера? Нет, вряд ли. Но свое становление в этом новом мире я начал.

Глава 3

Калуга. Главная паровозная мастерская.

6 мая 1887 года.

Тишина... Была бы, если только не разносился шум от других работающих станков. Но тут, рядом со мной — немая сцена. Два открытых в изумлении рта, один дедовский хитрый прищур, чуть слышное недовольное шипение со стороны дальнего станка.

А я с интересом смотрел на ещё одну муху да гадал, залетит ли она в рот Эраста, или от тех зловоний, что должны исходить из его нутра, сдохнет даже это привыкшее к смраду насекомое.

Работающая машинерия сообщала всему цеху низкую, утробную вибрацию, и эта дрожь пронизывала не только кости, но, казалось, и саму душу. Металлический лязг где-то вдалеке, шипение пара и монотонное дыхание прессов создавали какофонию, привычную всем местным, будто жужжание крыльев комара для сельчанина, но от этого давящую ничуть не менее.

В этом живом, дышащем пространстве, запахе машинного масла, холодной стали и чего-то едкого, кислого, Рудольф Карлович, казалось, был инородным телом. Элегантный, слишком чистенький для этого места, он теперь замер, как изваяние.

— Ну вот, Эраст. А крику-то было... — оттаял он первым.

Он подошел к массивной кулисе, одним пальцем, брезгливо, словно бы касается чего-то неприличного, провел по этой детали, такой важной в паровозе. После тут же извлёк белоснежный платок и энергично вытер им руки.

Эраст Никитич, этот свин, если не сказать грубее — ибо «чудак на букву М» характеризовало его куда как точнее — недовольно дернул круглым, мощным плечом. Его взгляд, полный скрытой, закипающей злобы, сначала скользнул по мне, а затем, словно по невидимой ниточке, переместился на Рудольфа Карловича.

Мне показалось, что Эраст был готов расплакаться. Радости от того, что я только что показал им, как справиться с браком теперь и не допускать его впредь, не было совсем. Это что ж, он так испугался работы? Что эту кучу тяжелых кулис переделывать придется? Так явно же не ему.

И тут же на лице Эраста расцвела та приторная, елейная улыбка, от которой у меня зачесались костяшки кулаков. Будто нечто внутри меня, первобытное и древнее, требовало немедленно стереть этот фальшивый оскал с его физиономии. Но я, стиснув зубы, сдержался. Схватка то была не моя, по крайней мере, пока.

Моя немая сцена продолжалась недолго. Рудольф Карлович, с видом человека, чей каждый жест выверен и продуман, деловито, почти театрально достал из кармашка часы и посмотрел на них. Часы были под стать цепочке, массивные, золотые, с вычурным циферблатом — скорее украшение, чем полезный прибор.

— Ну, мне все понятно. Завтра переделать. Доложить по окончании смены, — деловито сказал Карлович.

Пухлое эрастово лицо исказила боль. Ну или так у меня читалась мимика этого чудака — но он и вправду выглядел так, будто ему вожжа в известное место попала. Не такая реакция должна быть у человека, который получил шанс исправить важные бракованные детали.

— Всенепременно, — сказал он и метнул в меня ненавидящий взгляд.

Инспектор же еще раз крутанул вокруг головой, отмахнулся от мух. Опять уставился в часы, видимо, его гордость, статусную вещь.

Карловичу не столько нужно было узнать точное время, сколько продемонстрировать свое неоспоримое преимущество и статус. Его глаза даже не были сфокусированы на цифрах.

— Пора... вопрос я решил, нужно до конца смены доложиться. Работайте, — сказал он и посмотрел в сторону выхода, потеряв интерес и ко мне и, что явно было последнему обидно, к Эрасту.

Затем, с каким-то витиеватым, почти балетным движением, которое совершенно не вязалось с грубой мощью того места, куда он явно был кем-то ещё более начальственным приписан, Рудольф Карлович поспешно направился к выходу из помещения. Его силуэт быстро растворился в тусклом свете прохода, оставив за собой лишь шлейф тонкого, дорогого одеколона, странно, озадачивающе диссонирующего с запахом машинного масла.

— Ты что, сука, наделал?! Кто просил брак исцелять? — как только тяжелая дверь за Рудольфом Карловичем с глухим стуком закрылась, отрезав нас от внешнего мира и от его снисходительного взгляда, завопил Эраст, соорудив звериное выражение лица.

Маска приторной угодливости слетела, обнажив хищный оскал. Его глаза налились кровью, желваки заходили под кожей, и он, стиснув зубы, начал наседать на меня, словно голодный зверь на загнанную добычу.

Я, не отступая ни на шаг, инстинктивно выбросил вперёд руку. В ней, словно шпага, был зажат надфиль — маленький, металлический, совершенно бесполезный в качестве оружия, но в тот момент он казался мне щитом. Выставленный в направлении противника, он словно говорил за меня: «Нет, этому зверю я так просто не дамся».

Эрасту оставалось сделать лишь шаг, чтобы сократить дистанцию и схватить меня за грудки, но, видимо, инстинкт самосохранения всё же сработал. Он видел, как на меня смотрел тот лощеный немец, и теперь замер. Хотя от этого выражение его лица ничуть не изменилось. Он всё ещё смотрел на меня красными, выпученными глазами, в которых горело нечто большее, чем просто злость — это была ярость, след недавнего унижения.

Матвей, на которого я всё-таки думал ещё надеяться, завидев позу Эраста, тут же замедлил свой и без того по-старчески неспешный шаг и отвернулся — сделал вид, что и не к нам он шел и вовсе, так, прогуливается.

Нет на него надежды. И уважения к нему никакого у меня теперь нет.

— Тебе нужно было только кивать, скотина ты! — рычал тем временем начальник, его голос был низким, прерывистым от сдерживаемой ярости. — Откуда прознал, что тут можно исправить? Кто тебя, щенка, надоумил, а?!

Тут же, словно проголодавшийся шакал, не найдя добычи у моих ног, Эраст Никитич метнул свой гневный взгляд в сторону прикидывавшегося мебелью деда. В его глазах читалась не просто злость, а жажда перенаправить, перекинуть бремя своей собственной некомпетентности на чужие плечи.

— Матвей! Это ты надоумил щенка? Или позабыл? Так я тебе напомним, — голос Эраста, ещё недавно рычащий, теперь звучал с обманчивой, едкой ноткой угрозы.

— А что я? Я же ничего, — пробурчал дед. — Я же с понятием.

— Будет нам всем понятие... — уже чуть ли не плача сказал Эраст. — Как и папаша егойный, и он туда же... Дождется...

Папаша? Да, пришло понимание от реципиента, со страхом которого я отчаянно боролся и только-только начал побеждать, что и отец работал здесь. И... найден мертвым в канаве, мол, упился до чертиков. А отец... он не пил.

Злость вскипала внутри. Опять пришлось давить эти эмоции. А в это время Эраст крутил головой, выискивая поддержки, как шакал, оставшийся без стаи и понявший, что один он — трусливый отход коровьей жизнедеятельности.

Но вот начальствующее лицо ухмыльнулось. Нашел-таки, что искал. В старике он увидел другое лицо для утверждения своего превосходства, которое, как я уже успел заметить, держалось на весьма шатких основаниях. Это было типично для таких как он: когда нечего предъявить напрямую, ищут крайнего, кого можно показательно растерзать.

Я промолчал. Голос разума, вернее, некоего внутреннего стратега, шептал, что сейчас не время для открытого противостояния. Но внутри меня, в самых потаённых уголках сознания, уже генерировалась картинка, яркая и почти осязаемая: вот стоит этот Эраст, облитый помоями с головы до ног, и к нему, к его новенькому костюму, к его надменному лицу, прилипла целая туча назойливых, жирных мух.

Образ был настолько отчетливым, что я почти чувствовал в пальцах зуд. Щенок, значит, и потому можно пинать меня сапогом, бить до полусмерти. Подобное я этому свину не спущу. Вот только пойму до конца, кто я есть, что именно со мной произошло, и тогда... Тогда я скажу Эрасту, глядя ему прямо в глаза, всё, что я о нём думаю. И это будет не просто оскорбление, а приговор.

— Ты, начальник, на меня не рычи, — голос Матвея, хоть и низкий, прокуренный, прозвучал удивительно спокойно. Наконец он показал, что не такой уж и безмолвный, безвольный предмет обстановки. — Коли я уйду из цеха, так и вовсе всё встанет. Ну а паренька я не учил. Сам поражен. Мабыть, глазастый да смекалистый попался, вот и узрел за плечом у мастеров всё то, что нынче показал... А ты знаешь, что мне и без того брак не по нраву.

— Матвей... — прорычал Эраст.

Дед чуть сгорбился. Понял, видимо, что проявил излишнюю строптивость.

— Брак придется исправлять. Вот завтра и займетесь, — выдавив ухмылку, произнёс Эраст.

— Не извольте беспокоиться, исправим, — сказал дед и подарил тому натянутую улыбку, открыв вид не неполный комплект не самых здоровых зубов.

— Я с тобой ещё поговорю... — прошипел Эраст, отступая на шаг, его взгляд всё ещё метался между мной и Матвеем, словно загнанный зверь, что ищет выход из ловушки.

А потом он замер. Неуверенность тонкой нитью, едва заметной, проскользнула по его лицу. Наверное, он понимал, что его претензии ко мне, к такому вот «щенку», мало что необоснованны, они и с виду откровенно глупы. Что можно было взять с пацана, который, по его же мнению, лишь чудом избежал брака?

И чего этот Эраст так злился? Сам как паровоз. Нет, это всё не из гордости, у таких субъектов она так далеко запрятана, что давно скукожилась. Но что же тогда? Если только... «А может, этот брак ему был нужен специально?» — мелькнула у меня мысль, холодная, острая и, на первый взгляд, совершенно абсурдная.

Сперва я подумал, что это абсолютная глупость. Ведь зачем же гнать брак, если начальство сердится? Явно же каких-то премиальных недополучил, а негодование и пилюль отхватил — а может, и завтра ещё получит, едва франт вернётся.

Эраст сочно сплюнул себе под ноги и, к моей вящей радости, попал на свои же начищенные лакированные туфли. Дёрнувшись с досады, он развернулся и ушёл — и тут же тяжёлая рука деда Матвея упала мне на плечо.

— Эх, хлопчик, — проговорил он, и в его прищуре не было злости, только усталость и какая-то странная, непонятная мне пока тревога. — Куда ж ты полез, неразумный?

— Дядька Матвей, я тут! — вылез из-за станка тот паренек, что всё скалился на нас.

— Ну так и ступай, дурень криворукый, отсель! Тута он, вша кабелиная, — грозно и жестко сказал Матвей.

Мне бы и пожалеть парнишку. Но тот бросил в мою сторону такой жесткий взгляд, что ну его... Еще бы леща прописал вдогонку.

— А что, дед, брак разве нужен кому? Или я что-то не понимаю? — произнёс я, невольно переходя на тот же простоватый, но по-своему глубокий язык, что царил в цеху.

Седовласый труженик убрал руку. Его взгляд, цепкий и проницательный, впился в мои глаза, словно пытаюсь разглядеть что-то потаённое, неведомое. Хотя..., а он шуриться не только, может и не столько, из-за того, что хитрован. Он подслеповат, видит плохо.

Между тем, Матвей сделал шаг назад, окинул меня с головы до ног, прищурился, словно плохое зрение мешало ему или он хотел рассмотреть каждую крупинку грязи, что прилипла к моей одежде, словно это была не грязь, а пыль иной реальности.

— Ты ли это, Прошка? — спросил он, и в его голосе прозвучало нечто, что заставило меня внутренне сжаться.

Спросил, будто чуял что. Я, конечно же, не испугался всерьёз — годы и десятилетия жизни в моём мире научили меня не только держать лицо, но и в лицо опасности смотреть и не дрейфить. Но в голове моментально пронеслось: а что если меня сейчас вычислят? Что если это не прошлый век как есть, а некая альтернативная реальность, и тут таких вот проходимцев из будущего много, и они вне закона?

Или, что ещё хуже, какой-нибудь тайный орден охотится за ними? Сейчас черкнут весточку, отнесёт быстроногий мальчишка — и явятся по мою душу...

Перечитал я фантастики. Но тут и о более абсурдном задумаешься, когда вот так... в тело сдыхлика костлявого, малолетки, да в такой чад и звон забросят.

— Я это, — начал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без единой фальшивой нотки. — Да как головой ударился о станину, так и разумение пришло. Вспомнил всё то, что у тебя смотрел, дед, за чем наблюдал.

«Врёшь, » — прошипел внутренний голос.

Но, к моему удивлению, дед Матвей принял мою «легенду».

— Оно и такое бывает. Слыхал я, — произнёс он с выражением лица человека, который повидал многое и познал суть жизни во всех её причудливых проявлениях. Его лицо немного разгладилось, удивление и настороженность исчезли, сменившись чем-то вроде любопытства.

А еще... Да, он был готов поверить во что угодно. Я ему нужен. Дед Матвей — не только мудрый, но и хитрый.

— А ну-ка сказывай мне, что ты тут утворил. Уж больно ладно говорил, да я не сразу услышал, — сказал он, и в его голосе теперь слышался не приказ, а заинтересованность.

— А ты что, сам не сподобился увидеть, как брак этот исправить? — удивился я, невольно выдав свою современную логику.

На вид передо мной был матёрый работяга, человек, чьи руки знали станок как свои пять пальцев, а те манипуляции, что я провернул, не такие уж и сложные для того, кто знает, с какой стороны подойти к железной машине.

Матвей усмехнулся в бороду.

— А я проверить тебя хочу. Вот учеником моим будешь, — нашёлся дед.

Так он прятал свою озадаченность, да, кажется, и для меня, пацана, это выглядело подходяще. Даже, скорее всего, и немалым повышением было. Вот так вдруг и часу не прошло, а я уже целый ученик.

Гордиться ли мне, после прожитой жизни? Впрочем, не стоит принижать и такой статус.

— Ну да, ну да! — пробурчал я себе под нос, скорее от удивления, чем от недовольства.

— Ты сказал что-то, хлопчик? — насторожился Матвей.

— Да нет, ничего, — соврал я, стараясь скрыть внутреннюю улыбку. — Кто ж отказывается от такого... целый ученик!

Я не спешил повторять всё то, что я только что продемонстрировал лощеному начальству. Да мне и не жалко. Я был готов делиться знаниями, если это поможет мне вжиться в этот мир. Говорят, каждый труд должен быть оплачен, а здесь, казалось, я работал на чистом энтузиазме. Нутром, да и разумом я чуял и понимал, что вот он — мой актив. И желательно его продать.

А вернее, платой мне станет доверие — да вот хотя бы и деда. Но если даже старый Матвей меня сыном решит назвать — на хлеб это не намажешь. Так что надо бы выяснить...

— Где, дед Матвей, здесь деньги за работу выдают? — спросил я, стараясь, чтобы мой вопрос прозвучал шуткой, но всё же предполагал и ответ.

— Тут и выдают. На, хлопчик, держи краюху, — сказал Матвей с таким видом, будто бы прямо сейчас давал мне целое состояние. — От Эраста Никитича нынче не дожدهшься ты полушки. А я вот... с голоду не издохнешь со мной.

Так себе мотивация, как и плата за то, что я спас не меньше пятнадцати кулис, что тут валялись.

Но выразить недовольство я не успел — при виде этого хлеба, уж точно не первой свежести, мой организм продемонстрировал, что богатство мне даровано действительно серьёзное. Я сглотнул слюну, потянулся подрагивающими руками за превеликим богатством. Хлеб был тяжёлым, плотным, с тёмной коркой и характерным запахом ржи — аромат, забытый в моём мире скороспелых батонов и всяких чаабат.

— Ступай. А завтра как придёшь, так встанешь рядом со мной. В свои ученики беру тебя! — сказал старик, и его взгляд снова стал пристальным, выжидающим.

Наверное, на этом моменте я должен был засиять от счастья, упасть в ноги и броситься целовать ему промасленные руки. Для местного пацана стать подмастерьем — немыслимая удача, путевка в жизнь.

Но... Я — человек, вставший к токарному станку в ледяных цехах сорок пятого, точивший снаряды для фронта, а позже, уже инспектором, мог строго взграть мастеров за сотые доли миллиметра и нарушение ГОСТов. И теперь мне предлагали великую честь подавать ключи и выгребать стружку у ремесленника, работающего «на глазок»?

Явно разочаровавшись моим каменным лицом и отсутствием священного трепета, старик что-то недовольно пробурчал себе под нос, резко развернулся и направился на выход.

— Спасибо, — сказал я.

Вот так, меньше чем за час, я из козла отпущения превратился в ученика мастерового. Для прежнего меня повышение было смешным до неприличия. Для нынешнего Прошки — почти спасением. У ученика хотя бы был шанс завтра снова войти в цех не как мусор под ногами, а как человек, за которым закреплён мастер.

Так что нужно теперь мерять жизнь иными категориями, иначе в чрезмерных амбициях можно неаккуратно поставить ногу на очередную ступень социальной лестницы, да поскользнуться, упасть вниз. А мне вверх нужно.

Глава 4

Калуга.

6 мая 1887 года.

Меня приняли в ученики! Нет, сразу и не осознал. Я в целом еще не до конца осознал, что произошло и что для меня началась новая жизнь. Поймал себя на мысли, что потянулся в карман штанов, где должен быть телефон, что чуть было в голос не возмутился плохой вентиляцией и превышением допустимых норм охраны труда в шуме.

И вздрогнул, когда снаружи, но резко и громко, истошно застучали. Повсюду понесся звон — били то ли в колокол, а то ли тяжелой железкой по куску подвешенного рельса. Этот резкий, бьющий по ушам звук мгновенно преобразил цех. Те несколько мастеровых, что до этого сливались с закопченным кирпичом стен и громоздкими станинами, внезапно ожили. Мой внутренний инспектор аж взвыл от возмущения: они сорвались с мест как были, даже не приведя рабочие зоны в порядок. Никто не смахнул металлическую пыль, не протер направляющие, не убрал инструмент. Обгоняя друг друга и толкаясь в проходах, они едва ли не бегом поспешили прочь из цеха. Дикость. Никакой культуры производства.

Всех влёк наружу сигнал окончания смены. И, судя по всему, старик, у которого я никаких карманных часов не наблюдал, выработанным годами рабочим нутром чуял, когда уже пора на волю. Вон, даже явно ожидавший меня для разбирательств пацаненок и тот пошел прочь.

Я оказался один. В цеху стояла тягучая тишина, нарушаемая лишь редким стоном остывающего металла. Дверь из цеха была открыта настежь, никому никакого дела не было до того, как всё здесь простоит до утра, будет ли сохранно, даст ли работать. Ну а до меня тем паче. Я был пустым местом, неприкаянной тенью, не принадлежащей ни этому времени, ни этому пространству.

— Всем пора домой. А где у меня этот самый дом? — сказал я.

И тут же получил в мыслях картинку. Ох... это что ж, тут, вот в таком крысином углу, я и живу? Хотелось взвыть от досады, руки сами вскинулись к волосам в жесте досады. Но я тут же осадил себя и почти что приказал: будем жить, будем выбираться из грязи. Тем более, что я не один, мне, оказывается, есть о ком заботиться.

Я заставил себя двигаться и теперь шёл прочь из цеха, туда, откуда лился предзакатный свет, обещая конец одного дня и начало нового, абсолютно непредсказуемого. И в этом свете, в этой неопределённости, была одновременно и угроза, и робкая, почти неслышная надежда.

Так вот что означает: гол как сокол. Совсем один. Без денег, без документов, без мобильного, без знаний о том, как здесь выживать, кто я, откуда и что мне теперь делать.

Но это я. Я — здесь.

И пусть сперва нужно совладать с заплетающимися ногами. Каждая клеточка этого тела, казалось, протестовала, хотела рухнуть на пол и забыться.

— Чего застыл, малец? А ну, ходь отсюда! — хриплый оклик отвлек меня и подстегнул.

Но не приятным стимулом, а будто кнутом.

У тяжелых, обитых железом дверей цеха стоял мужик. По годам — вроде, еще и не старик, но заводская жизнь уже вытянула из него все соки, согнув спину и изрезав лицо глубокими сажевыми морщинами. Он опирался на что-то самодельное, нелепое — кривой гибрид костыля и толстой суковатой палки. В мозолистой руке тускло звякнула связка тяжелых ключей на железном ободе.

— Закреть мне надо тут всё, проверить, чтоб никого, — добавил он уже другим, вполне дружелюбным тоном, словно оправдываясь за свою первоначальную грубость.

«Митька. Митька Скорород» — имя всплыло само собой. Это сработало не мое взрослое сознание, а глубокая, остаточная память того мальчишки, чье тело я теперь занимал. И

вместе с именем накатил такая острая, пронзительная волна сочувствия и уважения к этому искалеченному человеку, что у меня перехватило дыхание. Пацан внутри меня искренне хотел набить морду каждому, кто в насмешку называл его «Скороходом».

Свою ногу Митька потерял здесь же, на производстве. Мой внутренний инспектор по технике безопасности сухо констатировал этот факт, но так и не смог выудить из чужой памяти деталей. Да и как, черт возьми, нужно было умудриться? Что надо было делать, чтобы в реалиях этих тихоходных станков остаться без конечности? Под фрезу ее, что ли, подставлять, показывая чудеса цирковой растяжки и акробатики? Или по пьяной лавочке под кран-балку лезть? Впрочем, зная здешний первобытный уровень охраны труда, вариантов было явно больше одного.

Ничего не ответив, я кивнул сторожу и побрел прочь. Выйдя за порог цеха, попытался полной грудью втянуть свежий воздух — правда, свежим его можно было назвать весьма условно. Здесь, на улице, тоже стоял густой смрад отработанного масла, горелого угля и кислой окалины. Но спасал резкий, пронизывающий ветер. Он налетал порывами, подхватывал и уносил эту удушливую взвесь, давая короткую передышку, чтобы легкие не свернулись в трубочку от местной экологии.

Я попытался оглядеться, оценить масштабы предприятия. Не вышло. Взгляд упирался в хаотичное нагромождение кирпичных корпусов, закопченных труб, эстакад и пристроек. Чтобы охватить этот завод-гигант целиком, понять его устройство и логику, нужно было поднимать в небо беспилотник.

Но дронов в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом не водилось. Цифры! Я вспомнил год! Успех. А ведь когда специально пробовал обратиться к памяти реципиента, не выходило. А сама собой эта память взяла да и поделилась.

Я прошел метров двести по раскисшей, изрытой колесами грязи, когда оказался перед заводскими воротами. Вопреки ожиданиям, они были даже не коваными — просто массивные, сбитые из толстенных почерневших досок створы. И именно там, в сгущающейся вечерней хмари, я заметил примечательную парочку.

Человек в форме — полицейский надзиратель, городской или как тут называются эти усаые чины в шинелях — о чем-то живо шептался с Эрастом. С тем самым боровом, моим цеховым начальником, который днем устроил мне разнос.

— ...Вот и проучи сам мальца, сына Луки. Правду люди бают, что яблонька далеко яблоки не бросает. А мне перед Карловичем светиться более нельзя. А то еще заподозрит чего, — долетел до меня сиплый басок Эраста. — А мне ответ еще перед Буримовым держать.

Эраст, по всей видимости, очень старался говорить тихо, но из-за заводской привычки орать сквозь шум станков и теперь вещал так, что было отлично слышно и за полсотни шагов.

Городовой, заметив мое приближение, коротко ткнул мастера в мясистое плечо. Эраст резко обернулся, мазнул по мне недобрый взглядом маленьких, заплывших жиром пороссячих глазок, тут же отвернулся и быстро зашагал прочь, растворяясь в сумерках слободки.

Я же проходил в ворота и физически, спиной ощущал на себе тяжелый, липкий взгляд человека в полицейской форме. В голове гудело. То ли от сегодняшнего удара, то ли от мыслей, которые сейчас носились в черепной коробке со скоростью гоночных болидов, не желая останавливаться и выстраиваться в стройную логическую цепь.

Но кое-что я успел выцепить. Инстинкт выживания, намертво вбитый на фронте, вдруг взвыл сиреной. Кажется, я совершил колоссальную ошибку. Я влез не в свое дело. Тот брак на станке, который я — пусть и человек из другой эпохи, но опытный производственник — вычислил и исправил за пару минут... Почему его не трогали старые, матёрые мастера? Почему закрывали глаза? Ну не настолько же они некомпетентны? Или настолько?

Нет, нет. Пазл в голове с лязгом сошелся. Это не была халатность. Это был умышленный саботаж, схема, в которой по самую шею погряз жирный Эраст. А я взял и починил станок, поломав им воровскую малину перед самым носом лощеного управляющего Карловича.

И теперь случайно услышанные слова про «проучить» обретали совершенно конкретный, пугающий смысл. Уму-разуму собрались учить именно меня. Причем так, чтобы навсегда отбить желание лезть своими малолетними руками в чужие, взрослые дела.

Я шагал себе вперед и внезапно понял, что совершенно не смотрю на убогие, покосившиеся хибары, жавшиеся к обочине. Большею частью эти гнилые клетушки были поставлены прямо на землю, даже без намека на фундамент. Но меня сейчас волновала не местная архитектура.

Мой взгляд цепко, как радар, сканировал раскисшую после недавнего ливня дорогу в поисках увесистой палки или булыжника, удобно лежащего в ладонь. Любого предмета, который можно использовать как оружие, если из подворотни шагнет угроза. В том, что угроза будет, я после подслушанного разговора уже не сомневался. Скорее всего, не сегодня, не так сразу, но проблемы я явно уже нажил.

Я месил чавкающую, холодную грязь старыми опорками. Ноги, словно обладая собственной памятью, несли меня на автопилоте. Через полкилометра от заводских ворот с улицы я свернул в переулок, потом ноги, протащили меня еще метров сто вглубь района и остановились. Я огляделся.

— Фавелы, мля... — выдохнул я в стылый воздух.

Сравнение пришло само собой. Как-то довелось мне побывать в Бразилии. Там местные умельцы на улице подрезали у меня сумку. И все бы ничего, но внутри лежала флешка с документами колоссальной важности. Причем не только для меня, но и для одной серьезной госкорпорации, которая должна была заключить весьма внушительный контракт на поставку критически важного оборудования. Оборудование было китайским.

Но суть не в логистике. Суть в том, что мы пошли возвращать эту флешку — и не просто с парой друзей, а в сопровождении броневигов бразильского спецназа ВОРЕ, нескольких машин полиции и представителей местных властей. И мы шли туда не штурмовать наркокартель. Мы шли договариваться и платить выкуп за то, чтобы нам вернули наше же имущество.

Помню, как мое чувство патриотизма после такой демонстрации абсолютной импотенции чужого государства взлетело до небес. Наша, отечественная преступность — даже в самые лихие годы — не шла ни в какое сравнение с той первобытной, вооруженной до зубов анархией, что творилась в Рио-де-Жанейро.

Так вот, именно там, в бразильских фавелах, и произошел обмен денег на флешку. Я на всю жизнь запомнил те строения: нелепые шалаши, кирпичные коробки без крыш, слепленные друг с другом так криво, что, казалось, они должны рухнуть от первого же порыва с океана. Словно гигантская безумная птица свила гнездо из случайно попавшегося по дороге мусора, палок и кусков жести.

И вот сейчас, в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году, я смотрел на то же самое. Только без пальм и теплого океана.

Мой новый «дом». Барак, небрежно сколоченный из горбыля и строительных отходов. Щели между кривыми досками были законопачены каким-то мхом и, кажется, грязными тряпками. Изнутри стены были затянуты даже не дешевыми коврами, а просто кусками плотной, засаленной ткани — видимо, для защиты от сквозняков.

Я смотрел на эту конуру и одновременно вспоминал её, все те темные холодные вечера, что ютился здесь, и в голове билась лишь одна мысль: как здесь можно выжить зимой? Картина промерзшего насквозь барака заставила меня физически дернуться. На долю секунды мне захотелось развернуться и побежать обратно в цех, к тому раскаленному станку, где я очнулся. Там хотя бы было тепло.

Вот, значит, какова стартовая точка. Сначала — выжить в этом дерьме. Потом, в процессе, закрепиться на заводе и изменить место жительства. Городок вокруг предприятия казался небольшим, но, судя по ноющим ногам, до работы мне предстояло месить грязь минут тридцать в один конец. Не меньше.

Я резко остановился и обернулся назад, за спину. Кто-то шел за мной. Или показалось? Я сделал глубокий вдох и шагнул к своему барaku.

И тут же замер.

За углом соседней хибары колыхнулась густая тень. Какие-то зеваки, но не просто прохожие, все они чего-то ждали. Человек шесть, не меньше. Малолетки, лет по шестнадцать, может, чуть старше — сутулые, в надвинутых на глаза кепках и рванине.

Но внимание привлек не этот дворовый молодняк. Впереди них, словно вожак стаи, стоял взрослый мужик. Одетый не по-здешнему добротно, в длинном пальто и со шляпой на голове, он резко выделялся на фоне местной нищеты.

И вот этот человек в шляпе стоял прямо напротив девушки...

Внутри меня всё завопило: Настя, Настя! Я едва не кинулся к ней, но всё-таки сообразил отбежать в сторону, спрятаться за огромное дерево и прислониться спиной к влажной коре, чтобы секунд двадцать отдышаться.

Внутри бурлили две главные эмоции. Одна жгла грудь, требовала выйти наружу, другая холодила мозги и шептала: «Не трогай». Я пока что держал их на поводке, но было сложно — они норовили вырваться и взять верх над рассудком.

Стайка подростков, мужик рядом с сестрой. До конца я не понимал, что происходит. Но всем нутром чувал: что-то неладное, даже опасное.

Настя... так звали мою сестру. Она стояла напротив мужика в пальто... нет, это была шинель... с опущенной головой. Плечи Насти дрожали, она чуть слышно всхлипывала.

Ей ещё семнадцать, но здесь все говорят — уже семнадцать. Этот возраст словно жирная граница между безопасностью и тем, что может обернуться бедой. Мужчина, что держал над ней контроль, доводил её до слёз не потому, что думал сломать, а потому, что считал её удобной мишенью. Но я ему не дам, я, Прошка, за неё отвечаю. Это чувствовал он, мой реципиент.

Я тоже не собирался хоронить собственное чувство справедливости.

Двигаясь вдоль стены, чтобы не выдавать себя, я приближался к месту разговора. Тени шевелились вокруг: уродливое строение скрипело на ветру, где-то вдали лаяли собаки, слышались грубые голоса.

— И что тебя ждёт? — прозвучал голос незнакомца в шинели, холодный и ровный. — А я тебе предлагаю. Потом же перестану предлагать и сделаю всё, чтобы ты согласилась. Господин Буримов обращается к тебе не силой, лаской, поняла ли? Ну не может он прийти сам. Номер снимет тебе. Живи... сколько он там подол заирать станет? Не молодой уже. Это я буду приходить, потом, после... вот я...

— Я не могу... — грудным, заплаканным голосом сказала Настя.

— А с хлеба на воду можешь? Как батяка твой Лука упился в канаве...

— Не смей о батюшке так! — взъярилась девушка.

— А ты не рыкай не меня. И ведь надо, я приказ господина выполню. Привезу силком тебя, — «шинель» начинал явно терять терпение.

— Пусть женой меня берёт, по божьему закону, — пробурчала Настя.

— Ишь ты! А его жену куда? Вот же дура-девка. И это... бери, — произнёс тот мужик.

Он протянул ей небрежно смятую цветастую косынку — неважно. Настя протянула руку, чтобы взять...

— Не бери! — сказал я, выходя из тени и делая шаг вперёд.

— О! Прошка, попляши немножко, — произнёс, как только я объявил о своем присутствии, выглядевший рослым парень.

Такой уверенный, словно уже знал, что всё будет идти по его сценарию. Малолетки, явно его мелюзга, шептались, посматривая на нас. «Шинель» только усмехнулся, бросив короткий взгляд в мою сторону, а потом опять повернулся к Насте.

— Настя, не бери никаких подарков, — сказал я, приближаясь к сестре. — Это и не милость, это они тебя в долг вогнать хотят.

— А-ну стой, доходяга, — сказал тот самый рослый парень, явно обращаясь ко мне.

— Тарас, не трожь его! — взвизгнула Настя.

— А то что? Подстилкой Буримова станешь, вот тогда и укажешь мне, что здесь делать, — прорычал взрослый мальчишка, оглядывая поверху, явно в поисках поддержки, своих поделльников.

— Ты тоже прикрой свою пасть, — тяжело, с хрипотцой процедил Главарь в длинной, не по росту широкой шинели. Он даже не повысил голоса, но интонация резанула по нервам, обозначая непререкаемое лидерство жожака. — А парнишку проучить надо. Чтоб запомнил, щенок, как невежливо во взрослый разговор влазить, не спросившись.

Тот, кого называли Тарасом, растянул губы в хищной, предвкушающей ухмылке. Его плечо дернулось — он завел руку далеко за спину для широкого замаха. В этот миг для меня всё вокруг замедлилось, словно воздух превратился в густой кисель.

Мой мозг, сохранивший боевой опыт прошлой жизни, уже рассчитал траекторию. Да, физическая реакция этого мальчишеского тела запаздывала, но ведь и это можно учесть и просчитать. Чуть сместив вес, я слегка присел, подогнулся ниже... Кулак Тараса со свистом пронесся буквально в волоске над моей макушкой, рассекая пустоту.

И, не теряя ни доли секунды, используя энергию его же промаха, я выстрелил снизу вверх. Классический, жесткий апперкот.

Тарас вздрогнул всем телом. Клацнули зубы — звук лязгнувшей челюсти показался неестественно громким в повисшей тишине, и здоровяк, нелепо взмахнув руками, отшатнулся на шаг назад. Моя собственная кисть тут же откликнулась острой, простреливающей болью.

Костяшки сбились, слабые связки едва не хрустнули — не от вложенной силы, а от того, что эти тонкие подростковые мышцы и кости просто не были готовы к таким жестким контактам. Но главная цель была достигнута: неожиданный, хлесткий удар напрочь выбил соперника из равновесия, стерев с его лица наглую ухмылку.

Вокруг нас тем временем пришла в движение улица. Толпа из подростков и хмурых молодых людей качнулась вперед, замыкая кольцо. Они, словно стая дворовых псов, почуяли всплеск адреналина и теперь жадно, не мигая, смотрели на нас. Ждали кровавой развязки.

Краем глаза я выхватил из полумрака Настю. Сестренка побелевшими до синевы пальцами вцепилась в край своего ветхого платка — как в единственную соломинку, способную удержать ее на краю, не дав подчиниться чужой, давящей воле. Она не плакала. В ее расширенных глазах застыло жуткое, недетское ожидание того момента, когда станет окончательно ясно: кто здесь сегодня хозяин, а чья кровь, а то, возможно, и жизнь останется на брусчатке.

— А ну, хлопцы, пинай его! — вдруг истошно, срывающимся от злобы голосом заорал пришедший в себя Тарас.

И толпа шевельнулась, как единый, ошетинившийся кулаками живой механизм.

Воздух снова распорол свист. От первого размашистого удара — точной копии того, что пытался исполнить Тарас секундой ранее — я увернулся на голых, въевшихся в подкорку рефlekсах. Мой разум всё просчитал идеально, выдав единственно верную команду, но это чертово тщедушное тело оказалось слишком медленным, слишком слабым. Уходя от летящего в лицо кулака, я резко сместил центр тяжести и тут же, не успев восстановить баланс, напоролся на хлесткий удар ногой сбоку.

Я едва успел выставить жесткий блок предплечьем. Сапог, не из ошметков, а настоящий, въехал мне в руку, прямо в кость, так что искры пошли из глаз. По руке до самого плеча полых-

нуло огнем, сустав отозвался тупой, пульсирующей болью — и я пока не знал, ушиб это или перелом.

Сила удара согнула меня пополам. Но именно эту инерцию падения я и использовал как пружину. Не теряя ни доли секунды, прямо из этого скрученного, невыгодного положения я ринулся вперед, бросаясь под ноги нападавшим. Три шага до растерявшегося, тяжело дышащего Тараса я пролетел как выпущенный из пушки снаряд, и — н-на! — с глухим стуком впечатался макушкой прямо в его мягкое, не готовое к удару пузо.

Здоровяк шумно, с присвистом выдохнул, сгибаясь пополам и хватая ртом воздух, но в этот же миг суровая реальность обрушилась на меня сзади.

По спине, чуть ниже лопаток, с мерзким, сухим хрустом прилетел удар какой-то тяжелой дубиной. Боль была такой ослепительно резкой, словно по моему позвоночнику со всей дури хлестнули раскаленной арматурины.

Меня пригнуло к самой земле, в глазах на секунду потемнело от болевого шока, мир сузился до размеров замочной скважины. Но старые, вбитые годами тренировок инстинкты сработали быстрее наступающей паники. Я змеей вывернулся из-под нависающей сверху угрозы, крутнулся на пятке, уходя с линии атаки, и коротким, вложенным от самого бедра жестким тычком пробил осевшему Тарасу точно в печень.

А дальше начался кромешный хаос.

Ещё удар. И ещё. Они посыпались на меня со всех сторон, сливаясь в сплошную молотилку: глухие, тяжелые удары чужих кулаков по моим ребрам, болезненные пинки острыми коленями, скользящие, обжигающие удары сапогами по затылку. Шакалы почуяли кровь и накинулись скопом.

Тот взрослый, тертый жизнью мужик, которым я был в прошлой жизни, тот боец, что остался где-то далеко за гранью этого мира, смог бы выдержать куда более страшные побои. Он бы сцепил зубы, встал, отряхнулся и методично, одному за другим, переломал бы им челюсти.

Но не это тело. Это чужое, подростковое, вечно недокормленное и слабое тело просто не могло вынести такого. Оно стенало и едва не улетало за грань от каждого пропущенного тычка, ломаясь под градом ударов безжалостной улицы.

Ещё немного, и оно не выдержит, а тогда.

Я рухнул на одно колено, ладонь ушла в грязь и нащупала холодное железо. Узкий ржавый штырь, может, от сломанной ограды или от тележной скобы. Пальцы сомкнулись на нём сами. Я не поднял руку, не показал находку, не стал рычать на этих щенков. Просто выбрал ближайшую ногу и место под коленом. Ещё один удар — и я вонжу железо туда, куда достану. Пусть это тело слабое, но умирать один я не собирался.

Глава 5

Калуга

7 мая 1887 год

— А ну босота, разошлись! — потребовал голос в метрах десяти. — Демьян, убирай свою свору.

Тут же прекратились тычки и удары, кажется, всё вовсе замерло, будто окаменев. Кто как стоял, так и застыли.

И это кто же к нам такой пожаловал? Спаситель? Что-то мне подсказывает, что пацан, худой и нищий спасенным не может быть. Мир суров. Таких, если не огрызаться, пинают. Но я-то готов драться за свое будущее. Будущее в суровом 19 веке.

— Сам хотел тебя поучить уму-разуму. Да, как погляжу, помяли тебя и без меня знатно...

Голос прозвучал прямо над моим ухом. Насмешливый, сытый, тяжелый.

В голове гудело. Пока что выросший надо мной массивный мужик в форменной шинели буквально казался двумя, так двоилось у меня в глазах. Темень в переулке стояла — хоть глаз выколи. Сначала мозг по инерции выдал обнадеживающую мысль: вот он, спаситель, представитель закона.

Но иллюзия рассыпалась в прах. Боль прочистила сознание, и я мгновенно связал этот визит с недавним разговором у ворот завода. Это был городской. И пришел он явно не для того, чтобы требовать от меня почтительного сословного подобострастия. Он пришел меня покарать. Пришел заткнуть мне рот, чтобы я не сболтнул лишнего. Просто уж так вышло, что местная шпана успела до него.

Коррупция... И я влез в эту схему. Вот если бы не стал тогда брак обрабатывать? Нет, я просто не могу. Сколько в прошлой жизни было таких моментов, но нет... Я не сдался.

Сцепив зубы, я оперся на ободранные локти и с мучительным стоном попытался оторваться от грязной дорожной колеи.

— Стой, девка! Не всё я еще сказал этому доброму молодцу! — резко, как кнутом хлестнул, выкрикнул тот, в форме.

Из спасительной темноты метнулась было женская тень — моя сестра Настя поспешила мне на выручку, но замерла, остановленная властным полицейским окриком.

— Значит так, умник, — городской шагнул ближе, нависая надо мной скалой. — Решил, что самый хитрый? Исправишься. С этого дня будешь делать только то и поступать только так, как я тебе скажу. Иначе Демьян со своими вырожденками станет наведываться к тебе каждый вечер. А может, и не к тебе...

Служивый плотоядно усмехнулся в густые усы. В густой тени я не видел в деталях выражения его лица, но воспаленная фантазия мгновенно дорисовала этот сальный взгляд. Словно облезлый мартовский кот, орущий под окном и требующий кошку, он сейчас смотрел именно на замершую неподалеку Настю. Даже облизнулся, тварь.

В груди тугим, раскаленным узлом начала закипать ярость. Первобытная, слепая. Я сглотнул солоноватую кровь, титаническим усилием воли давя в себе порыв броситься к его ногам и рвать хоть зубами.

— И какого только черта в тебе нашел господин Буримов?.. — брезгливо процедил представитель власти, всё ещё не сводя с неё взгляда, а затем повысил голос, бросая слова во мрак: — Не дурила бы ты, девка! Спасла бы и брата своего, и себя! Давно бы уже легла с уважаемым человеком, ублажила б как сможешь, и горя б не знали!

Я всё-таки встал. Качаясь, тяжело дыша, но стоял прямо напротив него. Костяшки пальцев, когда я сомкнул их в кулаки, хрустнули с такой силой, что звук сухо разнесся по переулку.

— Ты меня услышал, малец? — городской придвинулся вплотную, обдав меня кислым запахом застарелого табака. — И чтобы я больше не слышал о твоём неуважении к начальству. Иначе ты познаешь мой настоящий гнев. В труху, понял, в труху сотру.

Слова жгли горло. Хотелось выплюнуть ему в лицо дерзость, ударить наотмашь. Но я промолчал. Холодный, безжалостный рассудок кричал мне в ухо: это общество бесконечно далеко от того, чтобы называться правовым. Дерзну сейчас, ударю — и лавина проблем накроет не только меня, но и моих женщин. И тогда разобраться с этим положением будет просто невозможно. Потому что я сгнию в каталажке, а сестру в тот же миг отдадут на растерзание. И уж тогда... не пожалеют её те, что сейчас подарками манят. Нет, спускать такое на тормозах нельзя, смерти подобно. Я не дам похоронить мужчину внутри себя. Действовать нужно, но только с умом. В тишине, без свидетелей.

А ещё лучше — хитростью.

Не дождавшись ответа, городской презрительно хмыкнул, тяжело развернулся и зашагал прочь, растворяясь в ночной мгле.

Едва стих скрип его сапог, ко мне, наконец, подлетела Настя. Молча, с силой ухватила за плечи на вытянутых руках, повернула к тусклому свету и стала придирчиво, по-деловому осматривать мое разбитое лицо.

Следом из темноты вынырнула мать. Та не стала ничего осматривать — просто бросилась ко мне, повисла на шее, надрывно всхлипывая и заливаясь слезами. А затем вскинула покрасневшие глаза и посмотрела на Настю. С такой тяжелой, обжигающей укоризной, словно именно сестра, со своим нежеланием ложиться под «уважаемого человека», была виновата в моем избиении и во всем этом ночном кошмаре.

— Хлеб! — меня словно током ударило. — Хлеб же...

Я лихорадочно завертел головой, вглядываясь в стылую вечернюю слякоть. Где же, когда он выпал из-за пазухи? Мой драгоценный груз, полбуханки ржаного, валялся прямо в грязной луже. Мать проследила за моим безумным взглядом, охнула и коршуном бросилась к добыче.

Схватив испачканную краюху дрожащими руками, она принялась торопливо, чуть ли не целуя, обтирать ее подолом. Понюхала, прижала к груди, закатив глаза в каком-то полубезумном, почти религиозном экстазе.

Господи... до какой же степени нищеты мы дошли?

— Пошли в дом, — зашипела мать, затравленно озираясь по сторонам. — И без того соседи из всех щелей, как крысы, зыркают. Опять сплетни поползут, языками чесать начнут...

— Да пошли вы все в преисподню! — вдруг сорвалась Настя. Ее звонкий, полный отчаяния крик ударился о глухие заборы. А затем она ссутулилась и добавила глухо, одними губами: — Они и так, матушка, считают меня падшей женщиной. Куда уж больше в грязь втаптывать? Завидуют просто, что ко мне сам Буримов набивается, а не к ним.

Потом Настя развернулась и в тишину выкрикнула:

— А мне такое добро и даром, и задорого не нужно! Слышите вы?

— Да кто он вообще такой, этот ваш Буримов? — прохрипел я.

Мы брели к дому. Я прихрамывал на одну ногу, вторая заплеталась, а каждое движение отдавалось в ребрах так, словно по мне проскакал, красуясь, эскадрон драгун. Почему-то именно такое сравнение пришло в голову — наверное, потому что сюда, в этот темный грязный двор, не вязался никакой каток или асфальтоукладчик.

— А вот, сынок, если бы сестрица твоя не столь строптивой была, так всё бы у нас мигом наладилось! — желчно выплюнула мать, метнув в спину идущей впереди Насти злой взгляд. — Эка цаца выискалась! Можно подумать, мы ее самому цесаревичу в жены бережем! — она специально повысила голос, чтобы дочь услышала каждое слово. — Ничего с тобой не станется, если невенчанной поживешь с господином! Корона не спадет! И жизнь себе устроишь, и меня

накормишь, и братца своего нерадивого от тюрьмы да от могилы спасешь! Многие живут так и не тужат.

Меня едва не вывернуло наизнанку. И не от неосторожного шага после многих побоев, а от того, как обыденно и безжалостно говорила эта женщина. Да, технически она была матерью. Да, где-то глубоко внутри тела, которое я столь беспардонно занял, еще теплились жалкие остатки сыновней любви к ней.

Но мой разум — жесткий рассудок человека из другого времени — кричал, что это просто запредельная дичь. Мне так и хотелось сказать ей: окстись, женщина! Как можно собственную дочь вот так вот, не стесняясь, подкладывать под местного «хозяина жизни», переступая через все мыслимые и немыслимые моральные принципы?

Или местная поговорка «голод — не тетка» действительно стирает здесь любые границы, превращая людей в скот? Если так, то это общество куда как несправедливее того, что я оставил. Деятнадцатый ведь век! Где, черт возьми, хруст французской булки под вальсы Шуберта?

Мы подошли к нашей хибаре. Входная дверь держалась буквально на честном слове и одной заржавевшей петле. Древесина рассохлась, створка перекосилась и грозила рухнуть от малейшего толчка.

И тут я поймал себя на мысли, что дело даже не в бедности. В доме просто зияла пустота — здесь явно не хватало уверенных мужских рук. Некому даже выправить долбаную петлю. Займусь, обязательно. Но пока...

Я автоматически поискал глазами, куда можно бы рухнуть, чтобы укрыться с головой и провалиться в спасительное небытие.

Но мягкая постель мне только снилась.

Эта крохотная клетушка, от силы квадратов пятнадцать, пропахла застарелой сыростью. Посреди комнаты горбился потрескавшийся старый стол. Но на нем — и это резануло по глазам — лежала ослепительно белая, выстиранная до хруста скатерть. Словно чужая. Я сжал зубы и кивнул, принимая эту отчаянную попытку сохранить хоть каплю человеческого достоинства посреди беспросветного дна.

А насчёт того, чтоб куда-то рухнуть... Как таковых кроватей я не заметил вообще. Вдоль стен жались две сколоченные из горбыля лежанки и широкая лавка. И, как я с тоской догадался, спать мне предстояло именно на лавке, на охапках явно не слишком свежего сена.

Как только мы вошли, Настя, пряча заплаканные глаза, тут же бросилась к моему «ложу». Она принялась торопливо разглаживать жесткую солому руками, а поверх нее стелить даже не простыню — грубое, колючее покрывало, сшитое вручную из десятков разномастных выцветших лоскутов.

— Сестрица! Ты же не хочешь быть с этим Буримовым? — тихо спросил я, разглядывая сестру в тусклом свете одиноко чадающей лучины.

Пляшущие тени ложились на ее лицо, заостряя скулы. Настя была красива, и не только лишь потому, что юна. Но здесь она считалась уже взрослой женщиной, невестой на выданье, способной вести хозяйство и растить детишек. Видимо, в эту эпоху грань совершеннолетия стирается самой жизнью, и взрослеют тут не по паспорту, а по нужде, задолго до восемнадцати.

Но уж я постараюсь не допустить её до этой грани.

— Не хочу, братец. Прости, Прошенька. Да только... Он мерзкий, очень злой человек. И я у него была бы не одна такая, — глухим, надломленным голосом ответила Настя, комкая в пальцах подол. — Знаю я одну, с кем он живет. Так он бьет ее смертным боем. Понуждает к такому... о чем мне тебе-то и сказать стыдно.

Она замолчала на мгновение, перевела дух. А затем вдруг вся подобралась, выпрямила спину, горделиво вздернула подбородок и заговорила уже громче, чеканя слова. Она делала это специально, чтобы ее голос точно долетел до матери. Та стояла неподалеку, у печи, старательно

делая вид, что возится с ухватом и ничего не слышит, но ее напряженная спина выдавала, что она ловит каждый звук.

— Пусть хоть убивают, пусть хоть каленым железом жгут, но не пойду я к нему в... в... в содержанки! — отрезала Настя. — Тем более, что и содержать там будут так...

Она вдруг осеклась и замялась, видимо, устыдившись своих же слов. В этой оговорке промелькнула страшная, извращенная нищетой логика: в глубине души она, возможно, и смирилась бы со своей женской долей, если бы условия этой бесправной, пошлой и уничижительной сделки хотя бы гарантировали сытую жизнь. Но Буримов не давал и этого.

— А еще... — Настя понизила голос до ледящего шепота. — Ходят слухи, что одну такую девицу этот Буримов до смерти забил. В овраге её потом нашли.

Я не стал больше развивать этот разговор. Слова застряли в горле. Мне, конечно, отчаянно хотелось успокоить её. Наобещать, сказать, что я всё выправлю, что защищу, что мы выберемся из этой ямы. Но чтобы мужчина имел право произносить слова, обнадеживающие тех, за кого он берет ответственность, этот мужчина должен сначала иметь на то возможность. А пока я — избитый, нищий подросток с чужим разумом в теле.

Так что пока я только кивнул. Правду говорит народная мудрость: утро вечера мудренее.

Наконец, я лег на скрипучую лавку. Воздух в клетушке был спертым, тяжелым. Пахло горькой гарью от сожженных лучин, застарелой сыростью и почему-то навозом, словно мы спали в хлеву. Я был уверен, что в таком смраде и с ноющими ребрами мне и глаз сомкнуть не удастся. Но стоило только подмять под себя колючее сено и найти более-менее удобную позу, как сознание просто выключилось. Я провалился в тяжелую, черную яму сна.

Калуга.

7 мая 1887 года.

Проснуться оказалось не просто тяжело — больно, сложно, будто сначала нужно ещё выбраться из-под многотонного завала.

Я со стоном открыл глаза, ощущая, будто ночью меня разобрали на детали, как деревянный конструктор, а потом собрали обратно — но неумелыми детскими ручонками. Что-то было перепутано, или даже «начинающий инженер» вдруг нашел несколько лишних деталей и решил не утруждать себя новой сборкой. Болело абсолютно всё.

Икроножную мышцу свело такой дикой судорогой, что я едва не завыл. В ребрах при каждом вдохе кололо, будто раскаленными иглами. Левым глазом я видел лишь мутную щель света — осторожно ощупав лицо, я обнаружил на скуле огромную, пульсирующую жаром гематому. Глаз, очевидно, заплыл полностью. Краше только в гроб кладут.

— Вставай, Прошка! — над ухом раздался резкий, скрипучий голос матери. — Прохор!

Она нависла надо мной и принялась безжалостно тормошить за плечо. Ох, сейчас этот неправильно собранный «конструктор» развалится окончательно. Кости терлись друг о друга, не находя нужного, естественного положения.

— Вставай, кому говорю! Ты же помнишь порядки? Если на завод опоздаешь, то и пайки хлеба не дадут, и полушки медной не заплатят! А всё едино — придется у станков целную смену бесплатно горбатиться! Вставай! — требовала родительница.

Только невероятным, скрежещущим усилием воли я смог оторвать гудящую голову от жесткой соломы и сесть на лавке.

Сделал короткий вдох и едва не поперхнулся. От меня смердело как от свиньи. Хотя нет, зря я грешу на этих животных — они отнюдь не всегда нечистоплотны. Я же вонял застарелой грязью, густо замешанной на кислом поте. Впитавшийся в кожу аромат сырой земли и прелой соломы был настолько едким, что вычистить его, казалось, можно было, только сняв с себя шкуру.

Я судорожно сглотнул, еле справляясь с резким рвотным позывом. На секунду меня прошил липкий страх: неужели сотрясение? Ведь меня вчера здорово приложили на заводе, а потом ещё в подворотне потрепали. Тошнота — первый признак. Но, еще раз приняхавшись, я принял другую, более прозаичную версию: меня просто воротило от здешней вони, включая и собственный пот.

В той, прошлой — или будущей? — жизни я жил, фактически, в стерильном мире. Привык маниакально соблюдать гигиену. Для меня было жизненно важно организовывать порядок внутри своей головы и пространство вокруг себя: чистые простыни, горячий душ, свежий воздух. А сейчас я сидел в эпицентре почти средневекового смрада.

— Мыло есть? — хрипло, сорванным голосом спросил я у матери.

Она замерла с тряпкой в руках. Посмотрела на меня с таким искренним удивлением, словно я спросил не про кусок хоть какого-то мыла, а про Большую Императорскую корону, требуя достать ее из-под нашего перекошенного стола.

— Мыло?! — ахнула она. — Да откуда у нас такие роскошества-то, Господи помилуй?! Зола была, ею мылился, так и закончилась.

Я тяжело вздохнул. Настя тем временем уже умывалась, зачерпывая из деревянного треснувшего таза. Я понял, что очереди в нашу условную «ванную» придется подождать. Проблема была в том, что мой отбитый мочевой пузырь ждать категорически отказывался.

Превозмогая боль в налитых свинцом мышцах, слушая, как с сухим хрустом трутся друг о друга шейные позвонки, я начал крутить головой в поисках отхожего места. Взгляд уперся в потемневшую, скверно пахнущую деревянную бадью, наполовину задвинутую под лавку, стоявшую напротив моей.

Ну, это даже логично. Условия жизни здесь таковы, что нищета пожирает даже базовое чувство стыда. Естественные потребности справляют в двух шагах от того места, где едят и спят. Но, черт возьми, я пока не был готов к такому падению. Да, бывало всякое. И в войну никто никого не стеснялся. И после, когда голодно было. Но последние лет сорок я жил в нормальных условиях, со всеми удобствами. Расслабился. И не думал, что когда-нибудь это изменится.

Я резко отвернулся к закопченной бревенчатой стене, а боковым зрением уловил, как Настя, абсолютно буднично, без всяких церемоний скинула с плеч свою грубую ночнушку, обнажив спину до точеной талии, и принялась с силой растирать шею и грудь холодной водой. Не стесняясь ни матери, ни даже меня.

В голове на какую-то микросекунду предательски мелькнула чисто мужская мысль: а ведь хороша. Но я тут же с омерзением к самому себе задавил эти инстинкты. Я заставил себя смотреть в пол. Очнись. Это твоя сестра. Она не бесстыдная, она просто привыкла жить в клетке, где нет ни пяди лишней, чтобы выгородить себе хотя бы угол.

Вся эта утренняя картина маслом окончательно добила меня, подняв волну досады. Я осознал, в каком тотальном, беспросветном убожестве мы существуем. Да если бы мы плюнули на всё и ушли в глухой лес, я бы с одним топором за неделю сварганил полуземлянку, которая была бы чище, просторнее и приличнее, чем эта зловонная конура!

Однако из лесу каждый день на завод не натопаешься. Но ничего. Карты теперь в моих руках. Мозги на месте. Я вытащу свою семью из этой выгребной ямы. Обещать им ничего не стану. Просто буду делать все, чтобы это произошло.

Я дождался, пока плеск воды стихнет. Настя накинула влажную ночнушку на вздрагивающие от холода плечи. Грубая и редкая, изношенная ткань прилипла к телу, впрочем, почти не скрывая тех прелестей, на которые так нагло покушались видные представители местной «элиты» — читай, криминалитета Калуги.

— Настя, — негромко позвал я.

Она обернулась. Я смотрел ей прямо в глаза, стараясь, чтобы мой голос звучал не как лепет избитого мальчишки, а как слово взрослого, уверенного в себе мужчины.

— Я клянусь тебе. Я сделаю всё, чтобы тебе не пришлось... угождать им и унижаться. В лапы к Буримову ты не попадешь, — я не смог подавить юношеский порыв, и обещания все же прозвучали.

Сестра смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых страх мешался со слабой надеждой.

— Только сама пообещай мне одно, — жестко продолжил я. — Тяни время. Скажи им, что подумаешь месяц. Или два. Делай что хочешь, но дай мне этот срок. За это время я всё решу. А если дела пойдут вконец скверно... — я сжал кулаки, — я считаю, тогда нам стоит просто всё бросить и бежать отсюда к чертовой матери.

Услышав мои слова, мать в ужасе всплеснула руками.

— Да куда же нам податься?! — вскричала она, глядя на меня широко раскрытыми глазами, как на воистину полоумного. — Разве ж где-то лучше? Тут хоть какая, да крыша над головой. И пока еще голодом не ходим. Не сегодня, так завтра обед есть.

— Я всё сказал, — глухо, но твердо отрезал я, пресекая истерику. — Приду с работы — хотя бы дверь починю. А теперь мне пора.

Справлять нужду прямо в доме, при женщинах, я всё-таки не решился — остатки воспитания из прошлой жизни взяли верх над суровой реальностью дна. Я наскоро плеснул в лицо ледяной до ломоты в скулах воды из таза, смывая хотя бы верхний слой грязи и запекшейся крови. Обмываться полностью не стал — выходить мокрым на стылую утреннюю улицу теперь, в этом хилом и голодном теле, было сродни самоубийству. Накинул свое рванье и шагнул к перекошенной двери.

Часов в доме, естественно, не водилось. Ни механических, ни песочных, ни солнечных. Да и откуда им здесь взяться? Одни захудалые ходики с кукушкой стояли бы как десяток таких гнилых хибар, вместе взятых — если бы на это убогое жилье вообще нашелся покупатель. Явно еще более сумасшедший, чем каким смотрюсь пока я сам.

Так что пришлось идти наугад, перестраховываясь, чтобы дотопать к фабричным воротам с запасом. Но стоило мне только переступить порог, как я понял: иду я не как бравый рабочий, а как разваливающаяся на ходу телега.

Колени предательски подкашивались при каждом шаге. Заплывший и видел мир сквозь мутную щель, окрашивая всё в багровый. В ребрах при каждом вдохе будто бы поворачивался ржавый нож. Но идти было надо. Здесь, в этом жестоком времени, не выпишешь больничный лист по интернету. Не пришёл к станку — не получишь ни гроша на существование. Даже куска хлеба. А ведь сегодня я рассчитывал заработать побольше, чем на краяху.

Справив нужду за забором, у дерева, где прятался этой ночью, я брел по относительно знакомой дороге, почти не поднимая головы. Во-первых, смотреть тут было не на что — сплошная серая нищета. Во-вторых, нужно было маниакально следить за тем, куда ступаешь.

Мои дырявые опорки давно промокли насквозь. Подхватить в таком состоянии воспаление легких и сгнить от горячки — легче лёгкого. Я старался обходить глубокие лужи, балансировал на склизких краях колеи, пытаюсь не поскользнуться на вязкой грязи. Пару раз ноги всё же разъехались, и я чудом удержался, чтобы не рухнуть лицом в этот кисель.

И вот из серого утреннего тумана вынырнула темная громада завода.

— Ты гляди-ка, пришел! Не подох!

На проходной, лениво привалившись к стене, меня встречал давешний городской. В сумерках переулка я не разглядел его лица, но этот сытый, издевательский баритон узнал безошибочно.

— Разговор наш вчерашний помнишь? — он выпустил изо рта облако сизого табачного дыма, насмешливо щурясь.

— Помню, — процедил я сквозь зубы, глядя прямо на его начищенные сапоги. — Я многое помню.

— Вот и хорошо... — городской плотоядно ухмыльнулся, хлопнул по плечу еще одного служаку в шинели, дежурившего у ворот, и вразвалочку зашагал прочь. Видимо, ночная смена ублюдка как раз подошла к концу.

Сразу на территорию меня не пустили. Оказалось, я всё-таки притащился слишком рано. И, разумеется, никакой инфраструктуры в виде лавочек здесь не предусматривалось. Никто не предложил избитому пацану присесть. А я бы сейчас отдал полжизни даже за самый убогий, продавленный диван!

Постояв на промозглом ветру, я вдруг осознал жуткую вещь: мое тело так страшно ломило не только потому, что вчера по нему прошли сапогами. Половина боли досталась мне от ночевки на жесткой, как стиральная доска, лавке. Странно. Предыдущий носитель этого тела, похоже, привык спать на досках и не жаловался. Ничего, привыкну. Но к чему стремиться, к мягкой перине, я знаю.

Пришлось переминаясь с ноги на ногу у проходной добрых полчаса. Я уже промерз до самых костей, когда из тумана, наконец, вынырнул мастеровой Матвей. Для своих лет дед двигался на удивление резво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.